

АННА ТОРАН

Я ЛЮБЛЮ
ТОЛЬКО ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Торан

Я люблю только тебя

<https://litres.ru/74490448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение книги «Я хочу только тебя».

Они уже пережили разлуку, предательство, боль и тайны, которые могли навсегда разрушить их отношения. Секреты, которые так долго прятались за улыбками и молчанием, наконец выйдут наружу. Долгожданные ответы окажутся совсем не такими, какими их представляли герои. Они окажутся обнажёнными друг перед другом и перед вопросом: остаться вместе или отпустить друг друга?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	43
Глава 3	60
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Анна Торан

Я люблю только тебя

Глава 1

Алиса

Маленькая Лия была единственным ребенком в семье. У нее были любящие родители, которые растили девочку в тепле и заботе. Весь день она проводила время с друзьями за играми, а по вечерам соседи звали друг друга в гости, чтобы разделить ужин. Для крохи это место было раем. Они жили в маленькой деревне, но Лия была счастлива. Пока не появился монстр. Он рушил поселение, пока не увидел девочку. Чудовище быстро схватило её и утащило в свой замок.

Девушке исполнилось восемнадцать лет, она желала свободы, она желала снова увидеть свой дом, своих родителей, своих друзей. Но монстр ее не выпускал. Он не причинял ей зла, но держал в плену. Она молила его каждый день, чтобы тот выпустил, но монстр только отвечал, что защищает ее от опасности, которая таится за пределами замка.

Девушка больше не желала верить в эти бредни и сбежала. Она и раньше пыталась, но каждый раз план проваливался. Но в этот раз все получилось, ведь она убила мон-

стра. Теперь Лия свободна.

Густой лес, темнота и неизвестность окружили ее. Но она не останавливалась. Она бежала и бежала, пока не добралась до тропинки. Но тропа привела ее не в ту чудесную деревню, а в мир, который был разрушен.

Огонь, пустота, одиночество и чудовища.

В этом мире больше не было людей, только она одна осталась в живых, благодаря своему монстру, которого убила.

На нее началась охота, она сбежала обратно в густой лес и вернулась в замок. Но и это место больше не было защищено, ведь там больше нет ее монстра.

Чудовища нагнали и съели девушку.

Тот, кто напал на ее деревню и похитил, оказался тем, кто защищал. Она была его узницей, но никто не смел ее обижать.

Но обретя последние часы свободы перед смертью, она была счастливее, чем все те года, когда была в плену. Или нет?

Именно эту иллюстрированную мрачную сказку я защищала на последнем экзамене. И эту работу приняли. Моя преподавательница Мей Китинг была замешательстве. Ведь до этого я иллюстрировала только светлые и положительные история, а теперь...

— Алиса, твой стиль сильно изменился, — подметила

учительница.

У меня ушло пару дней на создание этой работы, я была так поглощена эмоциями, что не могла остановиться. Каждая иллюстрация — это был крик души, попытка выразить то, что скрывалось внутри меня.

Он убийца.

Эти слова пронзили меня словно нож. Эта мысль не покидала меня уже несколько дней. Она пряталась за каждым вдохом, за каждым мазком кисти, за каждой бессонной ночью. Я пыталась убедить себя, что это ложь. Но стоило закрыть глаза, как снова слышала его голос.

Я отмахнула навязчивые мысли и собралась. Нужно было сосредоточиться на защите работы, на своих словах, а не на темных образах, которые так и норовили захватить мой разум.

— Эта история — не просто сказка о тьме. Это моя попытка понять, что является настоящим злом. Можно ли оправдать монстра. Можно ли жить с монстром. Можно ли называть человека монстром, если он совершил только одно злодеяние. Что страшнее — жить в безопасности, потеряв свободу, или обрести свободу ценой собственной жизни? И всегда ли добро выглядит добром... а зло — злом?

Мей Китинг внимательно слушала. Я поняла, что именно через такие мрачные работы я могу раскрывать свои самые глубокие чувства и мысли. И пусть мой стиль изменился — теперь он стал частью меня самой.

Когда защита закончилась, преподавательница улыбнулась немного грустно:

— Меня не пугает, что ты резко изменила стиль. Меня интересует, что стоит за этим. Но я не буду тебя расспрашивать. Работа выполнена великолепно. Ты справилась. Поздравляю. И пускай новая ты приведет тебя туда, куда ты стремишься.

Когда я вышла из аудитории, сердце все еще колотилось. Работу приняли. Я справилась.

Еще неделю назад эта новость заставила бы меня прыгать от счастья. Теперь же внутри была только пустота.

Я остановилась у двери и невольно оглянулась. За моей спиной все еще звучали голоса, кто-то поздравлял друг друга, преподаватели обсуждали работы студентов. Мир продолжал жить так, словно ничего не произошло.

А мой рухнул.

Учительница спросила, что повлияло на смену стиля. Но это останется только при мне. Я никому не собиралась рассказывать о том, что произошло неделю назад. Ни Нике. Ни Хью. Ни родителям.

Никому.

Я больше не понимала, где заканчивается реальность и начинается кошмар.

Всю неделю я жила у своего друга, Мия была не против, что ее парень приютил меня. Я не хотела идти домой, ведь знала, что там меня будет искать Адам.

Я не желала его видеть. Я не желала слышать его оправдания. Я не была к этому готова. Я хотела только спрятаться. И Хью мне помог.

Все это время друг оберегал мой покой, а Мия с пониманием не терзала меня вопросами. Они просто молча приняли меня. Но долго здесь я не могла находиться. Но что мне было делать? Весь мир рухнул, а собрать себя по кусочкам не было сил.

Родители продолжали названивать мне, им нужны были ответы, они беспокоились. И я все это прекрасно понимала, но продолжала кормить их ложью.

Да, у меня все хорошо. Да, я с друзьями уехала в путешествие. Да, я сдала экзамен. Да, я подала документы в университет искусств. Да, у меня все под контролем.

Одна ложь. Но это все, что я могла сделать. Я больше не принадлежала этом миру, я больше не принадлежала себе. Страх окутал меня, у меня больше не было опоры, устойчивой почвы под ногами.

Оливер чуть не убил меня... Тот день мог быть последним днем. И если бы Адам не вмешался и не спал меня, кто знает, где бы сейчас было моё мёртвое тело. Но...

Когда я узнала, что Адам убил человека...

Весь мой мир оборвался. Я больше не знаю, кому я могу доверять. И стоит ли?

Лучше бы я ничего не знала.

Каждую ночь я просыпалась в холодном поту. Сердце бе-

шено колотилось. Воздуха не хватало. Мне казалось, что чьи-то пальцы снова сжимаются на моей шее.

И каждый раз, открывая глаза, я задавала себе один и тот же вопрос.

Кого я боюсь больше — Оливера... или Адама?

Я не знала, где сейчас находится мой преследователь. Может, Адам и его убил?

Каждый день меня сжирали мои мысли. А я не могла от них сбежать.

Я чувствовала, как Хью и Мия уже устали нянчиться со мной. Их жизнь шла дальше, а моя застыла. Я была обузой, которая отказывается от помощи, от действий, от принятия решений.

Каждый вечер они спорили. Они не могли больше ухаживать за мной, но и прогнать не могли. Их моральные ценности конкурировали с личными потребностями. И каждый день чаша с желанием получить свободу наполнялась большими аргументами и перевешивала вторую. Я должна была уйти от них. Я понимала, что они ни за что меня не прогонят и будут терпеть хоть всю жизнь, но я не хотела пользоваться этим. Они стали для меня опорой и поддержкой, приютили и позаботились. Я должна оплатить тем же.

Осталось только со всеми попрощаться.

— Ты правда уезжаешь? — растерянно спросил Хью, машинально поправляя светлые пряди волос.

— Я понимаю, что у тебя произошло что-то ужасное с

Адамом... И эти синяки... — после месяца молчания Мия больше не смогла сдерживаться. — Это он сделал?

— Нет, — быстро ответила я. — Мы расстались, но он и пальцем меня не тронул. Просто... мне нужны перемены.

— Ты так и не расскажешь, что тогда произошло? — тихо спросил Хью.

Я опустила взгляд.

— Простите, ребята. Но я пока не готова вспоминать об этом. И тем более рассказывать.

В комнате повисла тишина. Они переглянулись, но больше не стали задавать вопросов. Я посмотрела на них и почувствовала, как внутри болезненно сжимается сердце. Все это время они были рядом. Не давили, не лезли в душу, не требовали объяснений. Просто приняли меня такой, какой я стала.

— Спасибо, — тихо сказала я. — За всё.

Хью тяжело вздохнул и слабо улыбнулся.

— Мы всегда будем рядом. Даже если ты уедешь на другой конец света. Просто помни об этом.

Хью сделал шаг вперед, словно хотел обнять меня. Но остановился. Кажется, за этот месяц они оба привыкли сначала ждать, разрешу ли я приблизиться.

Я слабо кивнула.

Мия молча подошла ко мне.

На мгновение мне показалось, что она снова начнет спорить, но вместо этого девушка крепко меня обняла.

— Прости...

Всего одно слово. Но мне не нужны были объяснения. Я понимала, за что она просит прощения. Она понимала, что я это понимаю. И Хью тоже. Иногда молчание говорит гораздо больше любых слов.

Я крепче обняла подругу и впервые за долгое время позволила себе спокойно вдохнуть.

Близкие люди не обязаны посвящать всю свою жизнь тому, чтобы спасти другого. Они уже сделали для меня больше, чем могли. Они дали мне крышу над головой. Они терпели мои ночные кошмары. Они молча выслушивали мое молчание. Они были рядом, когда я сама не хотела быть рядом с собой.

Но у них тоже была своя жизнь. Свои планы. Свои мечты. И я не имела права превращать их дом в место, где поселилась моя боль. Если я действительно считала их своими друзьями... Значит, должна была отпустить их так же, как однажды они не отпустили меня.

Я вернулась домой. Ноги дрожали. Каждый шаг давался с трудом. Я боялась, что дверь откроется и на пороге появится Адам. Но его не было. И я даже не знала, что пугало меня сильнее.

Родители встретили меня так тепло, словно я действительно только что вернулась из долгого путешествия. Мама крепко обняла меня. Папа улыбнулся и тут же принялся расспрашивать о друзьях, дороге, экзаменах. Я улыбалась в от-

вет.

Лгала.

Снова.

Они до сих пор думали, что я просто жду письмо о поступлении. Что впереди меня ждет новая жизнь. Что поездка с друзьями помогла мне отдохнуть. Они смотрели на меня с такой гордостью...

А я едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Потому что правда была слишком страшной. Рано или поздно они узнают. Узнают, что я так и не отправила документы. Что я больше не верю в свое будущее. Что каждый день просыпаюсь с мыслью, что лучше бы вообще не просыпаться.

Я стала бояться спать. Даже здесь, в родительском доме, меня продолжил преследовать мой личный кошмар.

Стоило закрыть глаза... И...

— *Он убийца.*

Внутренние демоны продолжали сжирать меня изнутри.

— *Ты совсем его не знаешь.*

— *Замолчи...*

— *Ты сама впустила чудовище в свою жизнь.*

— *Хватит...*

— *Сначала Оливер.*

— *Нет...*

— *Теперь Адам.*

— *Пожалуйста...*

— *Ты снова ошиблась.*

— *Перестань!*

— *Они доберутся до тебя.*

— *Нет!*

— *Они убьют тебя.*

— *Замолчи!!*

Но голос не исчезал.

— *Никто никогда тебя не любил.*

— *Нет...*

— *Каждый просто использовал тебя.*

— *Замолчи...*

— *Для Оливера ты была красивой игрушкой.*

— *Нет...*

— *А для Адама...*

Голос выдержал мучительную паузу.

— *...собственностью.*

— *Нет!!*

Мой собственный крик разбудил меня. Я резко села на кровати.

Воздуха не хватало. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвется. По вискам стекал холодный пот. Я судорожно обхватила себя руками.

Я несколько секунд не понимала, где нахожусь.

Комната. Родительский дом. За окном начинало светать. Это был всего лишь очередной кошмар. Очередной. Но легче от этого не становилось.

Я больше не чувствовала себя в безопасности. Не дове-

ряла людям. Не доверяла собственным чувствам. И самое страшное... Я переставала доверять самой себе.

Мама с папой всегда умели чувствовать границы.

Они никогда не лезли в душу, не устраивали допросов и не требовали ответов. Просто ждали, когда я сама буду готова заговорить.

Именно за это я была им безмерно благодарна. Но с каждым днем скрывать правду становилось всё сложнее.

Я почти не ела. По ночам просыпалась от кошмаров. Всё чаще вздрагивала от резких звуков и уходила в себя посреди разговора.

Родители замечали это. Сначала они лишь тревожно переглядываясь. Потом начали осторожно спрашивать, всё ли со мной в порядке.

А затем вопросы стали звучать всё чаще. Я чувствовала, как теряю контроль над ситуацией. Рано или поздно ложь перестанет работать. И тогда мне придется рассказать им правду. Правду, к которой я сама еще не была готова.

Но меня спас один звонок.

Телефон неожиданно завибрировал.

Незнакомый номер.

Сердце болезненно сжалось.

На миг мне показалось, что это Адам. Что он снова нашел способ связаться со мной.

Я несколько секунд смотрела на экран, прежде чем ответить.

— Здравствуйте. Это Алиса Аддерли?

Женский голос звучал спокойно, уверенно и по-деловому.

— Да. С кем я разговариваю?

— Меня зовут Меган Финч. Я владелица книжного издательства «Немой».

Я нахмурилась.

— Простите...?

— Да. Вашу кандидатуру нам порекомендовала Мей Кинтинг. Она показала ваши последние иллюстрации и очень высоко оценила ваш потенциал.

Я застыла.

Мей...

Она ничего мне не сказала.

— Сейчас мы формируем новую команду для крупного книжного проекта, — продолжила девушка. — Нам нужен помощник иллюстратора. Если честно, у вас пока недостаточно опыта, но ваши работы выделяются. В них есть то, что невозможно приобрести с опытом, — атмосфера. Они наполнены мраком, напряжением и эмоциями. Именно такого художника мы сейчас ищем.

Я крепче сжала телефон.

— Поэтому мы хотели бы предложить вам оплачиваемую стажировку сроком на один месяца. На первое время оклад составит триста долларов в месяц. Если обе стороны останутся довольны сотрудничеством, мы обсудим дальнейшее трудоустройство.

Я не могла поверить своим ушам.

Мне...

Предлагали работу.

Настоящую работу.

— Кроме того, если вам потребуется переезд, мы можем предоставить комнату в корпоративном общежитии сроком до одного года. Для этого необходимо будет подать отдельную заявку.

Перед глазами все поплыло.

Еще неделю назад я думала, что моя жизнь закончилась. А сейчас кто-то предлагал мне начать ее заново.

— Если у вас есть вопросы, я с удовольствием отвечу на них, — спокойно продолжила Меган. — Если нет, запишите, пожалуйста, мою электронную почту. Мы будем ждать вашего ответа в течение двух суток. После вашего согласия я вышлю подробную информацию о стажировке и условиях работы.

Я судорожно огляделась.

— Секунду...

Где же...

Я бросилась к письменному столу, начала открывать ящики один за другим, пока наконец не нашла ручку и маленький блокнот.

Руки дрожали так сильно, что я едва могла писать.

— Я готова... Диктуйте, пожалуйста.

Закончив разговор, я еще долго стояла посреди комнаты,

сжимая в руке исписанный листок.

В доме стояла тишина. Только мое сердце билось так громко, будто хотело выпрыгнуть из груди.

Маленький клочок бумаги. Несколько строк. И шанс, способный изменить всю мою жизнь. Я невольно улыбнулась.

Значит... Мей Китинг все-таки верила в меня.

Она увидела во мне художницу даже тогда, когда я сама перестала в себя верить. И впервые за долгое время мне показалось, что впереди меня ждет не только боль.

Возможно...

У меня все еще есть будущее.

Я дрожащими пальцами быстро набрала номер Мей Китинг.

Она ответила почти сразу.

— Здравствуй, Алиса.

— Мисс Китинг... Я... — голос предательски дрогнул. — Я даже не знаю, как вас отблагодарить...

Слезы сами покатались по щекам. На другом конце провода послышалась тихая улыбка.

— Благодарить меня не за что.

— Но если бы не вы...

— Я только отправила твою экзаменационную работу своей подруге, — мягко перебила она, — а это место заслужила ты своим творчеством, своим трудом.

Я замолчала.

— Я лишь открыла дверь. Войти в нее смогла только ты.

Эти слова почему-то ранили сильнее любых похвал.

Потому что впервые за долгое время кто-то по-настоящему верил в меня.

— Вы мой ангел-хранитель...

Женщина негромко рассмеялась.

— Нет. Однажды и мне помогли, а сейчас я способна помогать остальным.

Она ненадолго замолчала.

— Надеюсь, ты не собираешься отказаться от этой возможности?

— Конечно нет!

— Вот и правильно.

Затем в ее голосе появились нотки веселья.

— Надеюсь, тебе понравится Нью-Йорк.

Я застыла.

— Простите... Что?

— Только не говори, что ты уже согласилась, даже не узнав, куда тебя приглашают?

Я почувствовала, как щеки начинают гореть.

— Кажется... именно так и получилось...

Она снова рассмеялась.

— Девочка моя, тебя позвали в издательство, которое продвигает молодых талантливых людей с нуля, а ты даже этого не знаешь? «Немой» был создан для тех, кого не слышат среди громких имен. И это место находится в Нью-Йорке.

Я медленно опустилась на край кровати. Нью-Йорк. Другой город. Другая жизнь. Другая я.

Перед глазами промелькнули родители... друзья... Адам...

Мне действительно придется оставить всё позади.

— Хочу тебя сразу предупредить, — голос преподавательницы вновь стал серьезным. — Ты не единственная, кто мечтает работать там.

Она сделала небольшую паузу.

— Это место не раздает мечты. Оно заставляет за них бороться.

Я крепче сжала телефон.

После всего, что произошло...

Меня уже ничто не пугало.

— Я готова, — тихо ответила я.

— Именно поэтому я и порекомендовала тебя.

На мгновение между нами повисла тишина.

— Удачи, Алиса.

— Спасибо... За всё.

Когда разговор закончился, я еще долго сидела неподвижно, глядя в одну точку.

После таких неожиданных новостей я больше не могла уснуть.

Экран ноутбука освещал темную комнату. Передо мной было открыто письмо, а курсор терпеливо мигал в пустом поле ответа, словно ждал, когда я наконец решусь.

После этого вся моя жизнь разделится на «до» и «после».

Я безумно этого хотела.

Но вместе с желанием внутри жила и другая эмоция — страх.

Страх снова Ошибиться. Страх довериться. Страх начать всё сначала. Я медленно закрыла глаза.

Что меня здесь держит?

Дом, который больше не казался безопасным. Любовь, превратившаяся в боль. Кошмары, которые каждую ночь возвращали меня в тот склад.

Здесь я потеряла себя.

А там...

Возможно, смогу найти заново.

Я глубоко вдохнула и положила пальцы на клавиатуру. На этот раз рука не дрожала.

Конечно, я была согласна на такую возможность.

Я перечитала письмо еще раз и нажала кнопку «Отправить».

Сообщение исчезло с экрана. Вместе с ним исчезла и последняя возможность передумать. Я закрыла ноутбук. В комнате снова стало тихо.

Подойдя к окну, я посмотрела на ночной город. Где-то далеко, за тысячи километров отсюда, меня ждал Нью-Йорк.

Город, в котором никто не знал моего имени. Город, где никто не будет смотреть на меня с жалостью. Город, где у меня появится шанс начать жизнь заново. Впервые за долгое время я почувствовала не страх. А надежду.

Я легла в кровать и закрыла глаза. В ту ночь мне впервые за долгое время не снились ни Оливер, ни склад, ни кровь.

Я просто спала. Спокойно. Потому что впервые после всего произошедшего у меня появилась причина проснуться завтра.

Время шло. Чемодан постепенно наполнялся вещами, а вместе с ним росло и мое волнение.

До отъезда оставалось совсем немного. Но сегодня я решила позволить себе забыть обо всем. Сегодня, 29 августа, мне исполнялся двадцать один год.

Телефон зазвонил еще ранним утром. На экране высветилось имя Ники.

Я собиралась сама ей позвонить. Собиралась рассказать обо всём. Но каждый раз что-то останавливало меня. Я боялась. Боялась, что стоит услышать ее голос — и я не смогу больше притворяться сильной.

— Доброе утро, моя именинница! — радостно закричала она в трубку.

Я невольно рассмеялась.

— Еще немного — и я оглохну.

— Зато сразу проснешься! — засмеялась она в ответ. — С днем рождения! Поздравляю тебя с защитой проекта, с окончанием школы искусств! Я так тобой горжусь!

Улыбка сама появилась на моем лице. Как же мне не хватало этого голоса.

— Спасибо...

— Ну рассказывай! Когда возвращаешься? Мы с Томом уже решили, что обязательно устроим тебе праздник.

Улыбка медленно исчезла. Я крепче сжала телефон. Комок подступил к горлу.

— Ника...

— Что?

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

На другом конце повисла тишина.

— Я так и знала, — тихо произнесла она. — Ты снова что-то скрываешь.

Эти слова больно ударили.

— Раньше ты рассказывала мне всё. А сейчас будто постепенно исчезаешь из моей жизни.

Я закрыла глаза.

— Ты права... Прости меня...

Голос предательски дрогнул.

— Я правда пыталась рассказать раньше. Просто... сейчас всё стало намного сложнее.

— Алиса... — тревожно позвала она. — Что происходит?

Я молчала несколько секунд.

Сердце колотилось так сильно, будто пыталось остановить меня.

— Я уже не та, которой была раньше.

— Не говори загадками. Ты меня пугаешь.

Я сделала глубокий вдох.

Если не сейчас...

То уже никогда.

— Я переезжаю в Нью-Йорк.

На другом конце провода повисла тишина.

Такая долгая, что мне показалось, будто связь оборвалась.

— Что?.. — наконец выдохнула Ника. — В смысле... Нью-Йорк?

В ее голосе слышалось искреннее недоумение.

— Но... почему?

Она заговорила быстрее, словно пыталась найти хоть какое-то логичное объяснение.

— А как же наши планы? Ты ведь хотела вернуться. Поступить в институт. Мы собирались снова жить вместе. Я... — она нервно усмехнулась. — Я до сих пор не трогаю твою комнату. Всё осталось так, как ты оставила.

Каждое ее слово болезненно отзывалось внутри.

— Что случилось, Алиса? Почему всё так резко изменилось?

Я закрыла глаза.

Сердце сжалось.

— Мне нужно уехать...

— Зачем?

Я машинально накручивала светлую прядь волос на палец, пытаясь хоть как-то успокоиться.

— Потому что мне необходимо оказаться как можно дальше отсюда.

— От чего?

Я молчала.

— Алиса...

— Чтобы сбежать.

— От кого?

Я почувствовала, как предательски щипало глаза.

— От самой себя...

На этот раз Ника не перебивала меня. Она просто молчала. И это молчание пугало сильнее любых вопросов. Спустя несколько секунд она тихо спросила:

— А Адам?

Я зажмурилась.

Конечно...

Рано или поздно этот вопрос должен был прозвучать.

— Он... едет с тобой?

Я медленно покачала головой, словно она могла увидеть этот жест.

— Алиса... — голос Ники стал совсем тихим. — Хватит тайн. Пожалуйста.

Я тяжело вздохнула. И впервые за всё это время сказала вслух то, чего так боялась.

— Мы расстались...

Снова повисла тишина. Тяжелая. Давящая. Я не видела Нику, но легко могла представить выражение ее лица. Растерянность. Недоумение. Тревога.

— Почему? — наконец тихо спросила она. — Что случилось, Алиса? Ты так и не рассказала, что произошло с Оли-

вером. Что вообще происходит в твоей жизни?

Я медленно выдохнула.

— Прости...

Это слово уже начинало меня раздражать. Слишком часто мне приходилось его произносить.

— Адам... разобрался с Оливером. Он больше меня не тронет.

Я ненадолго замолчала.

— Наверное...

— Что значит «наверное»? — голос Ники сразу стал жестче. — Алиса, что он вообще хотел от тебя?

Я невольно провела рукой по плечу, где под одеждой скрывался шрам от укуса.

Перед глазами вспыхнули обрывки воспоминаний. Темный склад. Запах химии. Верёвки. Безумный взгляд Оливера.

Я заставила себя вернуться в реальность.

— Он хотел отомстить...

— За что?

— Не знаю... Или уже не хочу знать.

Я крепче сжала телефон.

— Но Адам успел вовремя. Он остановил его.

Я прикусила язык. Еще немного — и я рассказала бы слишком многое. Мне хотелось поделиться с Никой всем. Рассказать, как мне было страшно. Как я думала, что умру. Как до сих пор просыпаюсь по ночам от собственного крика.

Но я слишком хорошо знала свою подругу. Она бросит всё. Примчится ко мне. Снова поставит свою жизнь на паузу ради моего спасения. А я больше не хотела, чтобы кто-то жил моей болью. Я устала от того, что меня постоянно спасают. Я должна научиться спасать себя сама.

Ника молчала.

Тогда я заставила себя произнести самое трудное.

— А с Адамом... мы расстались из-за...

Слова застряли в горле.

— Боюсь, я не смогу рассказать тебе правду.

Я ненадолго закрыла глаза.

— Это не моя тайна. Я не имею права ее раскрывать. Всё, что могу сказать... Мы оказались слишком разными. Наши ценности не совпали. Иногда любовь оказывается недостаточно. Иногда... Она вообще ничего не может изменить. Прости...

В трубке снова наступила тишина. Я слышала только ее ровное дыхание. И свое собственное. Я не знала, что она скажет дальше. Но почему-то именно сейчас боялась этого сильнее всего.

— Алиса... У меня столько вопросов, — тихо произнесла Ника. — Но ты не даешь мне ни одного нормального ответа. Я переживаю за тебя. И от этого становится только страшнее. Я закрыла глаза.

— Ника, — мягко перебила я, — обещаю, что однажды расскажу тебе всё.

На мгновение мой голос дрогнул.

— Но не сейчас. Я... пока не умею об этом говорить.

Я сделала глубокий вдох.

— Прошу тебя, поверь мне. Сейчас это всё, чем я могу поделиться.

На другом конце послышался тяжелый выдох. Кажется, Ника собиралась спорить. Даже начала что-то возмущенно говорить. Но спустя несколько секунд сдалась.

— Ладно... — недовольно протянула она. — Тогда ответь хотя бы на один вопрос.

Я улыбнулась уголками губ.

— Попробую.

— Почему именно Нью-Йорк? Или это тоже государственная тайна?

Я тихо рассмеялась.

— Нет. Тут всё гораздо проще. Мне предложили работу в издательстве.

На несколько секунд воцарилась тишина.

А затем...

— Чёрт возьми!

Я невольно отодвинула телефон от уха.

— Тебе предложили работу в Нью-Йорке?!

Теперь уже улыбка появилась по-настоящему.

— Да...

— Вот теперь всё становится понятно. Ради такой возможности я бы тоже сорвалась хоть на край света.

— Но я пока только стажёр.

— И что?

В голосе Ники прозвучало столько уверенности, что я невольно поверила ей.

— Это только начало. Ты будешь заниматься тем, о чём мечтала столько лет.

Я тепло улыбнулась.

— Спасибо...

На этот раз молчание между нами было совсем другим. Тихим. Грустным.

— Мы ведь даже не попрощались... — почти шепотом произнесла Ника.

У меня болезненно сжалось сердце.

— Я думала, ты вернёшься в сентябре...

Ее голос становился всё тише.

— Мы бы вместе отметили наш день рождения... Я уже придумала, куда мы пойдем.

Она тихо усмехнулась сквозь грусть.

— Я так ждала, что мы снова будем учиться рядом. Что всё станет... Как раньше.

Я опустила взгляд. Горло снова сдавило.

— Как раньше...

Мой голос едва звучал.

— Уже никогда не будет.

Повисла тишина. Долгая. Тягучая. Я слышала только дыхание Ники. Казалось, она изо всех сил пытается сдержать

слезы. Или слова... Которые давно хотела мне сказать..

— Я понимаю, что ты хочешь начать всё заново, — наконец тихо сказала Ника. — Но почему именно так?

Я медленно выдохнула.

Казалось, с каждым ответом внутри становилось только больше.

— Потому что я больше не могу оставаться здесь.

Я оглядела свою комнату. Стены. Окно. Каждая вещь напоминала о том, какой я была еще совсем недавно.

— Здесь всё напоминает мне о том, что произошло.

Я опустила взгляд.

— Об Оливере... Об Адаме... Обо мне самой.

Голос дрогнул.

— Если останусь здесь, я никогда не перестану оглядываться назад. Мне нужно уехать. Не потому, что я перестала любить... А потому что больше не знаю, как с этим жить.

На другом конце повисло молчание.

— А ты уверена? — наконец спросила Ника. — Не страшно вот так... сжечь все мосты?

Я горько усмехнулась.

— Очень страшно.

Я впервые призналась в этом вслух.

— Но еще страшнее остаться. Если я останусь... Я так и буду жить одним и тем же днем. А я больше не хочу выживать. Я хочу снова начать жить.

Ника тяжело вздохнула.

— Тогда пообещай мне кое-что.

— Что?

— Больше не исчезай. Не прячься. Не пытайся справиться со всем одна. Пиши мне. Звони. Рассказывай, как у тебя дела. И...

Подруга ненадолго затихла.

— Обязательно приезжай на Новый год. Даже если всего на пару дней.

Я улыбнулась сквозь слезы.

— Обещаю.

И впервые за долгое время поняла, что могу дать это обещание искренне.

— Спасибо тебе... За всё. За то, что не отвернулась. За то, что продолжаешь ждать меня.

— Глупенькая, — тихо рассмеялась Ника. — Ты моя семья. Куда бы ты ни уехала, это никогда не изменится.

У меня снова защипало глаза.

— Рассказывай мне обо всём, — продолжила она. — О Нью-Йорке. О работе. О людях, которых встретишь. И помни...

Она ненадолго замолчала.

— Ты никогда не была одна.

После звонка я еще долго сидела с телефоном в руках. Внутри по-прежнему было страшно. Но где-то глубоко, среди боли и сомнений, впервые за долгое время появилась крошечная надежда. Возможно... Новая жизнь действительно

существовала.

Комната казалась пустой и тихой, только за окном шумел город — звуки машин, редкие голоса прохожих, далёкий звон колоколов церкви. Всё это напоминало мне о том, что я делаю важный шаг — шаг в неизвестность.

Я поднялась с кровати и подошла к окну. За стеклом медленно покачивались деревья, ветер играл их кронами, а солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в теплые оттенки.

Я задержала взгляд на горизонте, где небо сливалось с землёй. Совсем скоро этот пейзаж останется лишь воспоминанием. Через несколько дней меня будет ждать другой город. Другая жизнь. Другой мир.

Я тихо выдохнула. В дверь осторожно постучали.

— Алиса? — раздался мамин голос. — Спустись, пожалуйста. К тебе пришли поздравить.

Я улыбнулась.

Наверное, Хью и Мия всё-таки решили заехать. Быстро вытерев глаза, я открыла дверь и спустилась вниз.

Но в коридор стоял Адам.

Сердце упало в пятки. Я не могла сдвинуться с места. Кровь застыла в жилах.

Адам стоял у двери, его глаза смотрели прямо на меня — спокойные, но полные какой-то скрытой боли и тревоги. Под глазами залегли темные тени, щетина стала заметнее, а волосы были непривычно растрепаны. Он выглядел человеком,

который давно перестал спать.

Вся моя уверенность, что я могла уйти и начать новую жизнь, вдруг рассеялась в мгновение ока.

— С днём рождения, Алиса, — спокойно произнёс он.

Всего четыре слова. Но они ударили сильнее, чем я ожидала.

Сердце болезненно сжалось, пальцы задрожали, а внутри словно поднялась волна, сметая всё.

Злость. Боль. Страх. Любовь, которую я отчаянно пыталась в себе задушить. Всё смешалось в один хаос.

Я не могла поверить, что он действительно здесь. Я заблокировала его везде. Я ясно дала понять, что не хочу его видеть. Что мне нужно расстояние. Что между нами всё закончилось. Но он всё равно пришёл.

Адам сделал небольшой шаг вперед, но остановился, заметив, как я напряглась.

— Дай мне всего пять минут.

Его голос был тихим. Неуверенный. И это было непривычно. Я привыкла видеть Адама сильным. Человеком, который всегда знает, что делать. Но сейчас передо мной стоял просто мужчина, который боялся потерять меня.

Я смотрела на него и не могла произнести ни слова.

Одна часть меня хотела развернуться и уйти. Закрыть дверь. Сделать вид, что этого разговора никогда не будет.

Но другая...

Другая всё ещё хотела услышать его. Хотела понять. Хо-

тела знать правду. Потому что сколько бы я ни убегала, прошлое всё равно шло за мной следом.

Я медленно кивнула, но совершенно не была готова к этому разговору. Но я понимала — если я хочу начать новую жизнь, мне придется сначала закончить старую.

Мы вышли на улицу. Каждый шаг давался мне тяжело. Я чувствовала его рядом, но между нами словно стояла невидимая стена. Мы отошли достаточно далеко от дома, чтобы родители не смогли услышать наш разговор. Я остановилась первой.

— Теперь говори.

Адам посмотрел на меня.

— Всего пять минут, — напомнил он.

Я скрестила руки на груди, пытаюсь защититься хотя бы так. Его карие глаза внимательно изучали мое лицо. Будто он пытался запомнить меня. Или боялся больше никогда меня не увидеть. И именно это пугало меня больше всего. Я боялась услышать правду. Боялась его оправданий. Боялась, что он скажет что-то, что снова разрушит мой мир.

Но еще больше я боялась другого... Что он скажет правду. И я больше не смогу его ненавидеть.

— Адам, ты убил человека... — Эти слова вырвались из меня раньше, чем я успела подумать. — Я совершенно тебя не знаю.

Голос дрогнул.

— Я смотрю на тебя и понимаю, что рядом со мной был

совершенно чужой мне человек. Откуда мне знать, на что ты способен?

Он молчал. И это молчание пугало меня еще больше. Я пыталась найти в его лице хоть какое-то оправдание. Злость. Возмущение. Попытку доказать, что я ошибаюсь. Но ничего не было. Только боль. Я не знала, что чувствовала к нему в этот момент. Ненависть? Нет. Было что-то гораздо хуже. Разочарование. Предательство. Ощущение, что весь мой мир снова оказался ложью.

Я вспомнила Оливера. Его слова. Его зловещую улыбку. Его обвинения.

«Вы все ему не нужны, но он вас никому не отдаст».

Чем Адам был лучше?

Один разрушал людей из-за своей жестокости. Другой... Убил.

Адам тяжело выдохнул. На мгновение мне показалось, что он потерял уверенность. Но он быстро взял себя в руки.

— Я понимаю, что это сложно принять.

Его голос был тихим.

— И я не прошу тебя понять меня.

Он сделал шаг вперед. Я тут же отступила. Это движение причинило ему больше боли, чем любые слова.

— Я не хочу, чтобы ты считала меня монстром...

— Хватит.

Я перебила его, потому что боялась. Боялась не его слов, а того, что произойдет со мной, если я позволю ему продол-

жить.

Потому что даже сейчас, даже после всего его голос всё ещё заставлял мое сердце биться быстрее. Его взгляд всё ещё заставлял меня сомневаться. А я больше не хотела сомневаться.

— Я уезжаю. — Мой голос стал холоднее, чем я ожидала. — Очень далеко. Я больше не хочу тебя слышать. Не хочу тебя видеть. Пожалуйста...

Я чувствовала, как мой голос срывает на шепот, а слезы вот-вот предательски заблестят на глазах.

— Больше не приближайся ко мне. Между нами всё закончено.

Слова причиняли боль даже мне самой, но я должна была их сказать.

Адам долго смотрел на меня. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах я увидела то, чего совсем не ожидала.

Боль.

Настоящую.

— Я понимаю.

Его ответ прозвучал тихо.

— Я знаю, что между нами всё закончилось.

Он опустил взгляд всего на секунду, а затем снова посмотрел на меня.

— И я не собираюсь мешать тебе начать новую жизнь.

Я замерла. Почему-то именно эти слова ранили сильнее всего.

— Но я хочу, чтобы ты слышала правду от меня. Не от Оливера. Не через чужие слова. От меня.

Он сделал паузу.

— А дальше...

Его голос стал тише.

— Дальше ты сама решишь, что с этим делать. Простить меня. Ненавидеть меня. Или забыть. — Он горько усмехнулся. — Я приму любой твой выбор.

Внутри меня бушевала буря: гнев, боль, обман и любовь, которую я ненавидела за то, что она всё ещё была во мне.

Я смотрела на него и не понимала, как один человек может вызывать столько противоположных чувств одновременно.

Я хотела ударить его. Хотела обнять. Хотела исчезнуть. Но сильнее всего я хотела вернуть ту Алису, которая ещё несколько месяцев назад верила ему без сомнений.

Но её больше не было.

— Когда это произошло? — спросила я наконец.

Мой голос прозвучал холоднее, чем я чувствовала себя внутри.

— Два года назад?

Я внимательно смотрела на него.

— В тот день, когда мы отмечали день рождения Ники?

Он молчал.

— Поэтому ты тогда исчез?

На несколько секунд между нами повисла тишина. Адам

отвёл взгляд. Казалось, он снова оказался там. В том прошлом, о котором я ничего не знала.

— Да.

Всего одно слово. Но оно разрушило во мне что-то еще.

— Всё произошло в тот вечер.

Я сжала пальцы, пытаюсь не показать, насколько сильно меня это задело.

— Тогда объясни мне.

Я сделала шаг ближе.

— Зачем ты привёл меня к Эмили?

Он нахмурился.

— Что?

— Зачем ты хотел, чтобы я работала с ней?

Мой голос дрожал.

— Чтобы мы обе были рядом с тобой? Чтобы ты мог контролировать нас?

Адам словно не сразу понял, что я сказала. Он несколько секунд просто смотрел на меня. А потом устало провёл рукой по лицу.

— Нет... — Он покачал головой. — Нет, Алиса.

В его голосе впервые появилась растерянность.

— Всё не так.

Он провёл рукой по вискам, будто пытался собрать мысли.

— Всё намного сложнее.

— Сложнее?

Я горько усмехнулась.

— Как можно не подумать об этом? Как можно убить человека и потом просто жить дальше?

Его лицо изменилось. Не от злости. От боли.

— Как Эмили вообще может продолжать с тобой общаться после этого?

Я повысила голос.

— Как она может смотреть тебе в глаза? Как?!

Я смотрела на него и впервые видела не сильного Адама. Не человека, который всегда знает ответ. А человека, который словно оказался загнанным в угол.

Он сделал шаг ко мне. Но остановился. И я заметила это. Он больше не пытался приблизиться. Не пытался заставить меня слушать.

— Поэтому я и хочу тебе всё рассказать. — Его голос был тихим. — Чтобы ты услышала это от меня.

— Нет. — Я перебила его.

Слишком быстро. Слишком резко. Потому что если он продолжит... Я боялась, что снова начну ему верить.

— Нет, Адам. — Я покачала головой. — Мне больше ничего не нужно.

В горле появился ком.

— Я не хочу знать подробности. Я хочу просто забыть. Забыть тебя. Забыть всё это. — Голос предательски дрогнул. — Мне больше ничего от тебя не нужно.

И впервые за всё время я увидела, как эти слова действительно ранили его. Он молчал некоторое время. В его глазах

мелькнула боль. Просто боль человека, который понял, что больше не может ничего исправить прямо сейчас.

Но он лишь тихо кивнул.

— Я знал, что ты упрямая. На его губах появилась едва заметная, грустная улыбка. — И знал, что ты не захочешь меня слушать.

Я отвернулась.

— Поэтому я написал тебе всё. — Он достал конверт и посмотрел на него, словно там были не просто слова, а часть его самого. — Всё, что произошло. Все ответы на твои вопросы. Я оставлю его тебе. А дальше...

Он сделал паузу.

— Дальше решать будешь только ты. А я буду ждать.

Я была готова развернуться и уйти. Потому что внутри всё кричало: «Беги. Беги, пока снова не поверила ему. Пока снова не позволила ему разрушить твои стены. »

— Не надо меня ждать. Я никогда не передумаю. — Я сказала это уверенно. Или пыталась убедить в этом себя.

Адам посмотрел на меня несколько секунд. Затем тихо произнёс:

— Алиса.

Я замерла.

— Мои последние слова.

Внутри всё сжалось. Я не хотела слушать. Но почему-то осталась.

— Хорошо, — прошептала я.

Он глубоко вдохнул.

— Я не хотел, чтобы всё так получилось.

Его голос был спокойным, но я слышала, как ему тяжело говорить.

— Когда я познакомил тебя с Эмили, я не думал о последствиях. Я видел только одно: ты мечтала стать иллюстратором, а у меня была возможность помочь тебе. Я хотел дать тебе шанс. Не контролировать. Не удерживать рядом. Просто помочь.

Я закрыла глаза. Мне хотелось поверить. Но я больше не могла.

— Всё было не так, как ты думаешь. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Но я понимаю, что сейчас ты не готова это услышать. И я не буду заставлять тебя. Тебе нужно время. Может быть, когда-нибудь ты прочитаешь моё Письмо. А может, нет. Я приму любой твой выбор.

Его следующие слова заставили меня перестать дышать.

— Я любил тебя.

Он сделал паузу.

— Люблю. И буду любить.

У меня задрожали руки. Я хотела сказать так много. Хотела спросить. Хотела закричать. Хотела ударить его за то, что он разрушил мой мир. Но вместо этого просто молчала. Потому что самая ужасная правда была в другом.

Я всё ещё любила его. Даже сейчас. Даже после всего.

Адам протянул мне конверт. Его пальцы едва коснулись

моих. Всего одно мгновение. Но этого хватило, чтобы сердце снова заболело.

— А теперь...

Он сделал шаг назад.

— Прощай, Алиса.

И он ушёл. Просто ушёл. Без попытки остановить меня. Без последнего поцелуя. Без объятий. Без обещаний, что он вернется.

Только тихий уход человека, который впервые позволил мне выбрать самой.

Я стояла посреди улицы, сжимая конверт в руках. И впервые за всё время мне стало страшно не от того, что он может причинить мне боль. А от того, что я могу потерять его навсегда.

Я чувствовала тяжесть внутри и одновременно странное спокойствие. Это было прощание без слов любви или сожалений — чистое, простое и очень сильное. Ветер трепал мои волосы, а сердце сжималось от боли, словно разрывалось на части.

Вернувшись домой, я поднялась к себе и закрыла дверь за собой. Внутри всё горело — смесь боли, пустоты и неотвратимой утраты. Сердце разрывалось на куски, а слёзы не переставали течь. Я проплакала всю ночь напролёт, не давая себе передышки. Волна воспоминаний накатила на меня с такой силой, что казалось — она сметает всё на своем пути: наши моменты счастья, его слова, его взгляд. Всё было как

в тумане — неотступно и навязчиво.

Я чувствовала себя потерянной в этом море чувств, без сил бороться или найти выход. Только слёзы и тишина окружали меня в темноте.

Но я должна была с ним попрощаться. С его ложью и тайнами. Я должна выбрать себя.

На следующее утро я собрала последние вещи. Мой взгляд зацепился за конверт. Сначала я хотела все выбросить, но потом достала письмо. Толстый конверт, в котором хранились все ответы Адама. Надо выбросить, но я не могла. Тело не слушалось меня. Я быстро затолкала конверт в чемодан, а затем закрыла его.

Не понимаю себя. Зачем я сохранила его. Зачем взяла с собой.

Я не хотела знать его историю и причину его поступка. Но мне не хватило смелости выбросить то, что еще объединяет нас.

Мои руки дрожали, в голове крутились мысли о предстоящем переезде — о новом городе, новых людях, новых возможностях. Но вместе с тем я ощущала страх перед неизвестностью и грусть по поводу того, что оставляю позади.

— Я так долго боялась этого момента... — прошептала я вслух. — Но больше не могу оставаться здесь. Мне нужно начать всё заново.

Глава 2

Алиса

Меня приняли в команду проекта «Мрак» — это новое направление в издательстве «Немой». Мы концентрируемся на том, что прячется глубоко внутри человеческой души. Вытаскиваем самое жуткое, мрачное, мерзкое на поверхность и придаем этому форму в виде несуществующих чудовищ (призраки, демоны, нечисть и т.д.) или через реальные явления (природа, катаклизмы, все что нас окружает).

Моя команда работает над иллюстрациями для новой истории, которая должна выйти уже в конце этого месяца. В сентябре я узнаю, останусь ли я на этой работе и стану ли полноценной частью команды «Мрак». Мы создаём графические романы, воплощающие внутренний мир человеческой души, которая изуродованна страхом, насилием, издевательствами, токсичностью, болью, любовью и множеством другими аспектами.

Сейчас мы разрабатываем иллюстрации для истории о девушке, у которой на теле медленно расползается плесень. Она — невероятной красоты женщина, внезапно заболевшая неизвестной болезнью. В страхе и недоумении она бредёт от одного врача к другому, от одного специалиста к следующему, но все тщетно. Она точно проклята, но почему? Весь мир

сочувствует ей, пытается помочь. И только на смертном одре, когда её тело полностью покрылось плесенью, мир узнает, что эта девушка была наказана за убийство новорождённых. Она верила, что плоть новорожденных сохранит её молодость и продлит жизнь. Но вместо молодости - плесень на теле, вместо долгой жизни - мучительная смерть.

Мой мрачный стиль в иллюстрациях привлёк Меган Финч, владелицу издательства «Немой», однако я совершенно не нравилась своей начальнице, Стефании Парк.

— Алиса, этого недостаточно. Я не вижу страха в этих глазах, — она указала на мой набросок. — Представь, что ты настолько одержима своей красотой, что готова пойти на убийство новорождённых и поедание их плоти. А вместо этого — увидела на своём безупречном лице плесень! Мне нужно отчаяние, ужас, безысходность! Переделай.

Стефани Парк - главный редактор и иллюстратор, а я её помощница. Моя задача - проработка персонажей, а мои коллеги занимаются текстами, фоном и раскладкой. И только ко мне она придирается больше всего. Чувствую, что в конце месяца меня обязательно заменят.

— Думаешь, что я несправедлива к тебе? Что ты получаешь больше работы, чем остальные?

Она смотрела на меня своими голубо-серыми глазами, в которых можно было пропасть. Если бы меня спросили, на кого похожа моя начальница, я бы ответила - на Снежную Королеву. Высокая, статная, безэмоциональная. Она - как

ком в горле, который я не могу прокашлять. Серые волосы подстрижены под ровное каре, а бледная кожа была чуть ли не прозрачной, как фарфор.

Я не рискнула ответить на ее вопрос, а только отпустила взгляд.

— Пойми, я от тебя столько требую, потому что ты можешь занять мое место и всем этим руководить. У тебя есть потенциал, и только от тебя зависит, где ты окажешься. Это твоё будущее, твоё дитя, так что вложи всю душу в этот проект.

Я удивлённо посмотрела. Да, она была резкой и не подбирала слов, но никогда не смотрела на своих подчинённых снисходительно. Мне стало стыдно за себя. Как маленький ребёнок, я обижалась на каждое замечание, хотя это ведь моя работа и моё будущее, к которому я стремлюсь. И пускай в прошлом я мечтала иллюстрировать детские книжки, сейчас моя цель - передавать весь ужас этого мира. Ведь я сама коснулась мрака.

— Я вас поняла.

— Молодец, а теперь за работу, — сказала она, повернувшись к остальным в офисе. — Это касается всех! Выложите все свои усилия, умения, знания и даже больше в этот проект, чтобы потом ни о чём не жалеть!

После этих слов стальная женщина покинула нас и ушла в свой кабинет.

Я вернулась в своё общежитие поздно ночью. Все ребята

давно уже спали, и я одна рылась в общем холодильнике в поисках хоть какой-то еды.

Здание делилось на три этажа. На первом этаже располагалась гостиная, которая делилась на две зоны: первая - для работы, выглядела как читательский зал, с рабочими зонами и тусклым белым светом; вторая - для отдыха, с мягкими диванами и креслами, телевизором, рядом - игровая приставка, которую кто-то из ребят принёс. Я даже пару раз успела поиграть. Там же находился огромный круглый стол, за которым мы собирались на завтрак. Гостиная плавно перетекала в кухню. Там стоял огромный холодильник с общей едой, куда каждый по желанию что-то оставлял. Но так как мы все были на стажировках и получали крохи вместо зарплаты, холодильник часто пустовал. В кухне ещё была всякая кухонная утварь, плита с духовкой, шкафчики, а также наша посуда, которую мы хранили здесь же.

Я грустно взяла последний протеиновый батончик и направилась к дивану. Серый, мягкий и такой уютный - настоящий друг. Я провалилась в него и чуть не уснула с этим батончиком, но мой сон прервал женский голос.

— Алиса, пошли в кровать, — обратился ко мне нежный голос.

Моя соседка Клэр - писательница, именно она создала первую историю. Талантливая, добрая, чуткая и нежная - за этот дар её одновременно ненавидели и обожали. Она была моложе всех нас, но уже выше каждого на голову. Высокая и

хрупкая брюнетка с длинными волосами и карими глазами. За такую внешность в школе её называли Садако - призрак из телевизора. Но мы зовём её Ивой - деревом, которое сочетается в себе печаль и жажду к жизни.

Клэр подправила свои очки и протянула руку.

— Пошли.

Она была немногословной, и только через свои тексты могла выразить всё, что у неё было на уме и в душе. Зато с нами она общалась действиями. Её тихая забота о нас была важнее тысячи слов.

Мы поднялись на второй этаж. Здесь жили только девушки, а парни - на третьем. Мы вошли в нашу комнату. Обычно жили по двое, но были и комнаты на три человека. В каждой комнате было своё место для сна, шкаф и рабочее пространство. А ещё - туалетная комната с ванной. И, конечно, у каждого - свой мини-холодильник. Сами комнаты просторные и светлые, никто никому не мешал.

По пути я успела съесть батончик, пока Клэр не забрала, но она все равно одарили меня своим пронзительным взглядом.

— Снова эту гадость ешь, на выходные в конце месяца ребята собираются приготовить ужин на всех в честь запуска проекта. Присоединяйся.

Я устало уставилась на потолок, лежа на кровати.

На выходных.

Все вместе.

Я не хотела сближаться с кем-то, иначе придётся рассказывать о себе и о своём прошлом. А мне этого не нужно.

— Я подумаю, — сказала я.

Девушка пристально посмотрела на меня.

— Это всего лишь совместная готовка и трапеза. Тебе не обязательно отдавать себя на растерзание.

Я удивлённо взглянула на Иву. Иногда мне казалось, что она умеет читать мысли.

— Ты права. Я снова всё усложняю, — усмехнулась я.

— Как и все мы.

После этого короткого разговора я погрузилась в сон. Снова в одежде, в макияже и собственном поту. Когда-нибудь я подчиню себе свою жизнь, но пока я бессильна и слаба перед сном.

Время утекало, сроки горели, а я чувствовала давление со всех сторон. Осталась неделя до сдачи работы, а я всё ещё работала над эмоциями главной героини.

Нужно было передать отчаяние, боль, ужас. Почему остальные эпизоды история уже готовы, а эта до сих пор оставалась черновиком?

Скоро я начну молиться — мне очень нужна помощь.

— Чем занята?

Я подняла взгляд на Джонатана. Лысый весельчак — именно так я его называла. Надеюсь, что он никогда не узнает о своём прозвище. Но все остальные просто звали его Джон.

— Мучаюсь, — ответила я.

— А, Алиса — наша главная мученица, — усмехнулся он.

Джон был самым старшим среди нас — около 30 лет. Он создавал фоны и атмосферу для историй. Не знаю точно, чем он занимался раньше, но ходят слухи, что жизнь его помо-
тала.

Я мало кого знала из нашей общаги. Здесь жили не только наша команда, но и люди из других отделов. И я ни с кем не сближалась. Даже о своей соседке я знала мало.

— Прости, мне надо работать, у меня нет времени...

— На всякие глупости, — прервал меня Джон.

Он хитро улубнул, а затем присел рядом со мной. Я специально заняла в гостиной самое дальнее рабочее место, чтобы никто меня не беспокоил. Но даже здесь в моё личное пространство ворвались.

— Как ты думаешь...

— О нет, снова философские штучки.

— Тс, — потребовал он. — Как бы мы назвали “любовь”, не зная этого слова изначально? Как бы мы всё называли в этом мире, если бы росли на обитаемом острове без влияния общества?

— Мы бы тогда были дикарями.

— М?

— Без социума мы и не смогли бы размышлять. Ты знаешь историю мальчика Маугли?

Он снова усмехнулся.

— Ты мыслишь очень ограниченно.

— Что?! — возмутилась я.

— Послушай, ты пытаешься передать ужас в том виде, который видела миллион раз в чужих работах, в картинах, кино, книгах. А ты когда-нибудь видела страх на своём лице? Отчаяние на лицах других людей? Живых лиц в реальной жизни?

— Ты сумашедший?

Он громко засмеялся.

— Вспомни свой ужас и посмотри на мрачные лица вокруг. Или взгляни на своё отражение.

— А что с моим лицом? — снова возмутилась я.

— Не зря же ты — наша главная мученица. Загляни в зеркало и нарисуй то, что ты уже видела и чувствовала, то, что ты знаешь по себе. Не пытайся подражать другим.

С этими словами он покинул меня, заставляя чувствовать себя душой. Я хотела снова склониться к своему планшету, но вместо этого сорвалась с места и побежала в комнату.

Добравшись до ванной, я с опаской посмотрела в своё отражение в зеркале. Мои большие глаза стали впалыми, а голубой оттенок уже почти не напоминал море — скорее лужу. Волнистые светлые волосы теперь были постоянно собраны в пучок. Розовинка на щеках исчезла, а из-за потери веса лицо и тело напоминали труп. Свежести лица уже не было — оно походило на протухший персик. Я выглядела словно смерть, как будто сама жизнь покинула моё тело.

На лице читалась усталость, потеря и тоска. И только в глазах светилось безумие.

Я быстро спустилась вниз.

— Джонатан!

Парень испуганно обернулся, как и все остальные, что находились в гостиной. Обычно я была тихой, а тут устроила настоящий переполох.

— Дай мне свою фотокамеру, пожалуйста, — обратилась я.

Он довольно улыбнулся. Кажется, теперь я поняла, что он хотел до меня донести.

Парень сделал фото моего лица с разных ракурсов, а затем мы распечатали получившиеся снимки. Я, словно одержимая, снова вернулась к планшету и начала творить. Мое отражение стало моим вдохновением. Давно я не чувствовала себя настолько живой. Каждая линия, каждый штрих на экране казались важными

Я чувствовала, как внутри меня загорается искра. В этот момент всё исчезло: тревоги, усталость, страх. Осталось только ощущение живости, творческой силы, которая заполняла каждую клеточку моего тела. Я забыла обо всём вокруг, погрузившись в свой мир образов.

— Это даже лучше, чем я себе представляла, — вырвал меня из работы голос Клэр.

От неожиданности я слегка вздрогнула.

— Правда? Тебе нравится? — Я посмотрела на итогов-

вый результат. Все ключевые сцены были завершены. Я наконец-то смогла передать то, что от меня требовалось.

— Очень, — она мягко улыбнулась, — знаешь, я не умею рисовать, но мне всегда хотелось воплотить свои истории в рисунки. И, кажется, я нашла того человека, который может изобразить то, что у меня в тексте.

Мы обменялись тёплыми взглядами.

— Я знал, что ты способна на это, — присоединился к нам Джон.

Я и сама не могла отвести глаз от того ужаса, который воплотила в иллюстрациях. По коже пробегали мурашки, словно я смотрела на саму себя.

— Скинь мне все файлы, у меня есть идея по фонам. Клэр, поможешь дополнить? Сейчас я позову наших ребят. Чувствую, что этой ночью мы наконец закончим первую историю. А завтра утром покажем Стефани Парк.

— Да, без проблем, — отозвалась девушка. — Алиса, иди отдохни, ты хорошо потрудилась.

Брюнетка нежно улыбнулась и поправила очки. Я не стала сопротивляться и направилась в комнату. Остаток сил уже исчез, но я смогла пересилить себя и умыться, прежде чем провалиться в сон.

Утром на кухне все радостно танцевали и поглощали свой завтрак. Я не успела опомниться, как меня накрыла эта волна. Кто-то напевал песню, кто-то танцевал, а кто-то передал мне тарелку с хлопьями.

— Что происходит? — тихо спросила я у Клэр.

— Работа завершена.

— Что? — удивилась я.

Я думала, что Джонатан пошутил, когда говорил, что за ночь они всё сделают, но оказалось, что в нашей команде одни продуктивные монстры.

— Да, я и сама в шоке, — беззаботно улыбнулась Клэр.

Я оглянула комнату. Меня окружали таланты, полные неиссякаемой силы творить. И казалось, что им всё даётся так легко — словно дышать. Но я была слепа, закрылась в собственной скорлупе, считая, что всю ночь одна работала над проектом, хотя на самом деле каждый из ребят вкладывался днями и ночами.

В нашей команде всего пять человек:

Я — иллюстратор персонажей, главная помощница начальницы, правая рука.

Клэр — незаменимая писательница, тоже главная помощница и левая рука начальницы.

Джонатан — отвечает за фон и атмосферу, дорабатывает и дополняет иллюстрации.

Марк — занимается раскладкой сцен.

Лиза — финальный штрих в нашей работе, графический дизайнер, занимается версткой, текстом и исправлением ошибок.

Без взаимосвязи друг с другом наш проект не сможет существовать.

Я практически ничего не знаю о ребятах, а вот они явно сблизились друг с другом. Но я не ощущаю себя белой вороной — им не важно то, что я не стремлюсь к сближению, ведь я общаюсь с ними через творчество.

После завтрака мы все отправимся в офис на суд. Хотя мы и думали, что завершили работу, — Стефани Парк вполне может в один миг разрушить всю нашу уверенность.

Ночью ребята уже отправили готовую работу начальнице, поэтому мы сразу расположились в переговорной. Я заметила, как нервничают все: Марк убирает со своей кофты невидимые пылинки, Лиза кусает губы, Клэр постоянно поправляет очки, а я снова и снова накручиваю на палец прядь волос. Только Джон спокойно сидел и улыбался всем вокруг. Не зря говорят, что чем старше становишься, тем проще начинаешь относиться ко всему. Это было нечто редкое — их маленькое единство, которое я раньше не замечала.

В кабинет вошла Стефани Парк. Её строгий взгляд сразу почувствовали все присутствующие. Она внимательно посмотрела на каждого из нас, словно тая в себе ещё несколько неожиданных сюрпризов.

— Итак, — строго сказала она, располагала ноутбук на столе, — вы имели наглость беспокоить меня ночью.

Мы все тут же сжались, как дрожащие кролики перед волчицей. Наша начальница включила ноутбук, а затем подключила проектор, выводя картинку на экран.

— В целом ваша работа впечатляет, уже ощущается за-

вершенность, но... — после этой фразы она обратила свой взгляд на нас, — есть правки.

В комнате стоял гнетущий молчание, только тихий звук охлаждающего воздуха из кондиционера нарушал тишину.

— Не волнуйтесь, их немного, — спокойно добавила Стефания Парк.

Марк облегчённо вздохнул, а Лиза чуть заметно улыбнулась — по крайней мере, это означало, что самая тяжёлая часть уже позади. Клэр поправила очки и сжала губы, чтобы не выдать эмоций. Я, кажется, даже немного расслабилась: критика оказалась не такой строгой, как я ожидала.

— В общем, — продолжила она, — нужно доработать некоторые детали в финальных сценах, скорректировать цветовую гамму и уточнить шрифты. Ваша работа хорошо выглядит, но до конца она не доделана.

Все быстро сделали пометки в своих рабочих ноутбуках. Мы не теряли времени даром: начальница говорила по делу, чётко указывая на недочёты и пути их исправления. Когда список правок был озвучен, Стефани Парк плавно перешла к следующей теме.

— У вас есть два дня на исправления и оформление обложки. После этого я передаю нашу работу в другой отдел на проверку, а затем — в типографию. В конце недели нас ждёт конференция. Мы встретимся с представителями других книжных издательств, продавцами, блогерами, рекламщиками и прочими людьми, от которых меня уже немного

тошнит, — добавила она с редким выражением раздражения.

Мы переглянулись. Казалось, что у каждого была мысль: “А в этом мире есть хоть кто-то кто бы её не раздрожал?”

— И самое важное, — обратилась она к нам, — после конференции будут утверждены списки тех, кто окончательно устроен в нашей фирме.

С этими словами начальница покинула переговорную, оставляя за собой ощущение лёгкой тревоги и предстоящих перемен. Мы остались в комнате, переглядываясь и мысленно считая часы до дедлайна. Теперь всё зависело только от нас.

Прошло ещё несколько мучительных дней, и мы наконец-то завершили первую историю. Все собрались на кухне, чтобы приготовить праздничный ужин. Но он был не такой уж и праздничный: всех омрачала мысль, что кто-то из нас скоро уйдет.

— Я буду по вам скучать, — тихо произнёс Марк.

Мы приготовили спагетти и несколько закусок, а на десерт — пиво. Расположившись на диване возле круглого стола, каждый из нас ушёл в свои мысли.

— Хватит уже киснуть, мелкотня, — заявил Джон.

Лиза фыркнула и сделала глоток пива. Марк и Клэр переглянулись. Только я беззаботно поглощала еду: за последний месяц питалась как попало, и теперь мой голод наконец проснулся — я не могла остановиться.

— Что такое? — спросил Джон у Лизы.

— Ты дурак, — резко ответила девушка с розовыми волосами и зелёными глазами. Она никогда не была милой девочкой: где-то она наверняка носит дубинку и всегда готова ворваться в бой.

— А ты малявка, — снова поддел он её.

Марк и Клэр снова беспокойно переглянулись. Они выглядели как брат и сестра — похожи внешне и характером. Благодаря совместной работе сильно сблизились. Что поделаться: писательница и раскладровщик всегда тесно связаны.

— А ты старик! — Лиза явно уже опьянела.

Джон громко рассмеялся и ласково потрепал девушку по волосам.

— Понимаю, ты волнуешься, но я уверен, что нас всех возьмут, — подбодрил он её.

Лиза хотела что-то ответить, но только яростно посмотрела на него и сделала ещё один большой глоток.

— Наконец-то встречусь с издательством "Иной мир", — попыталась сменить тему Клэр.

— Обожаешь их работы? — поддержал разговор Марк.

Я наострила уши — интересно было послушать про конкурентов.

— Что это за ребята? — спросил Джон.

— Вы что, не знаете? Они лидируют по продажам детских книг. Я хотела стать их автором в категории "страшилки для подростков", но мои истории оказались слишком жуткими

для их аудитории.

Клэр немного погрустила.

— Но зато ты нашла место, где тебя ценят, — поддержал её Марк.

Я внимательно посмотрела на эту парочку: между ними явно присутствует химия. Уверена, что они начнут встречаться.

Клэр слегка покраснела и отпила пиво.

— Никто не сравнится с нами и с нашей писательницей Клэр! — неожиданно прокричала Лиза.

Мы все онемели, а потом дружно рассмеялись — возмущённое и покрасневшее лицо нашей бунтарки вызывало больше умиления, чем ужаса.

— Так, тебе пора в кровать, — сказал Джон, слегка наклонившись к Лизе.

— Нет! — начала она протестовать, но Джон был выше и сильнее этой бестии, потому легко мог поднять её на руки.

— Кстати, я слышал про это издательство — они, как гигант, каждый год расширяются, — сказал Джон, унося Лизу на второй этаж. — Всё время забываю имя их основательницы...

Он задумчиво остановился.

— Как же её зовут? Эм... Роуз какая-то...

Я тут же напряглась.

— Да, Эмили Роуз, — ответила Клэр, уверенно сверкая глазами.

Я застыла, как вкопанная.

— Что? — переспросила я, не готовая поверить в услышанное.

— Эмили Роуз, — повторила Клэр.

Это имя повисло в воздухе, заставив меня чувствовать холодный пот на спине.

Нет.

Нет.

Нет.

Не может быть. Я встречу ту девушку, которая тесно связана с Адамом... Нет, с той, чей парень был убит Адамом.

Глава 3

Адам

Я до сих пор помню тот ужас на лице Алисы. Я никогда не хотел, чтобы она меня боялась — наоборот, я стремился стать для нее опорой, защитой и безопасным местом. А сейчас она боялась даже взглянуть на меня.

Я стоял на пороге её дома. Предлог был — поздравить девушку с днем рождения, но на самом деле я хотел её увидеть и объяснить. Постараться объяснить. Но она не желала меня слушать. Она собрала вещи и решила уехать на другой конец страны, лишь бы больше никогда со мной не пересекаться.

Я оставил ей письмо, но, скорее всего, она уже его сожгла. Мои прошлые ошибки разрушали моё настоящее. И я — единственный, кто несёт за это ответственность.

Сможет ли она когда-нибудь простить меня?

Между нами все кончено.

Я не хочу тебя видеть.

Не приближайся ко мне.

Каждый день её последние слова будили меня от очередного кошмарного сна. Я больше не мог спать спокойно, а

лишь блуждал в том прозрачном, призрачном мире.

Я до сих пор помню её мягкие вьющиеся волосы, лучезарную улыбку и небесные глаза. Ни с кем я не ощущал такого тепла, как с ней.

Интересно, как она поживает сейчас?

Я поднялся с кровати — было пять утра. За последний месяц я не смог проспать больше трёх часов. Кажется, совсем скоро я начну сходить с ума.

Я умылся, оделся, выпил кофе и отправился в фирму отца.

Помню, когда мне было пять лет, отец впервые показал мне своё детище. Точнее, детейще отца и матери.

Они были молоды, амбициозны и талантливы. Мама всегда казалась мне ангелом: нежной, доброй, скромной и немного закрытой от всего мира. Только отец смог приблизиться к ней, когда впервые увидел свою будущую любовь в парке.

Он говорил, что никогда не встречал человека прекраснее, чем она.

Мой отец, Стив Блэк, учился на факультете экономики, но позже увлекся промышленным менеджментом и инвестиционно-строительным бизнесом. Он мечтал изменить мир: строить новые больницы, школы, детские сады и приюты, чтобы создать комфортные условия для людей. Моя мама, Ирвия Блэк, была архитектором, самой выдающейся в своем выпуске. Их совместный труд создавал нечто прекрасное.

Они не стремились к богатству: их целью было сделать свои знания и умения полезными для общества.

Но после смерти матери отец больше не мог идти по пути благодетеля. Он утратил веру в доброту, спасение, служение во благо. Ведь если даже такой прекрасный человек, как его жена, не заслужил долгую и счастливую жизнь — то кто вообще её заслуживает? В чём тогда смысл?

Без поддержки своей жены отец пошёл по другой тропе. Фирма превратилась в исключительно коммерческую историю. Теперь он выбирал проекты, которые приносили больше денег: очередные торговые центры, жилые комплексы, коммерческие предложения стали источником богатства, власти и монополизации. Наша семейная фирма превратилась в гиганта и подавляла все маленькие предприятия, которые пытались создать то же, что когда-то мечтали создать мои родители.

Но до всей этой истории я жил в самой счастливой семье. Мои родители построили дом собственными руками. Они мечтали о большой семье и о мире, в котором их будущие дети будут жить в комфорте и гармонии.

Я до сих пор помню тот дом. Он был пропитан тёплым светом, уютом, запахом вкусной еды, смехом, добротой и спокойствием. Тогда я видел своего отца счастливым.

Он учил меня не гнаться за материальным благом, потому что деньги не приносят счастья — настоящее счастье даёт благодарная улыбка. Быть полезным для общества — истин-

ный смысл жизни и источник внутреннего спокойствия.

«Поступай по совести, мой дорогой Адам, — говорил мне отец, — и ты никогда не будешь жалеть о своих поступках.»

Но сейчас передо мной совершенно другой человек. В десять лет я считал его предателем тех ценностей, за которые он с мамой боролся. А сейчас я могу его понять. Потеря самого близкого и любимого человека может заставить тебя ненавидеть весь мир. Особенно, если сам мир уничтожил твоего любимого человека.

Я вошёл в кабинет, где меня поджидал младший брат. Он напоминал мне нашу маму — те же черты лица, волосы, глаза и талант в архитектуре. Это было неудивительно: когда он только родился, сразу потянулся к маме. Сначала он учился рисовать, а уже потом говорить. Но, к сожалению, он не успел впитать все знания Ирвии — ему было всего пять лет, когда она погибла.

— И что ты здесь сидишь? — спросил я, присев за стол, взглянул на Тома, который валялся на диване.

— Тебя можно увидеть только на работе, — невинно произнёс он. — Я соскучился.

Но я знал его как облупленного, ему что-то нужно.

— Давай сразу к делу, — устало произнёс я. Бессонница сказывалась на мне.

— Твой благотворительный проект...

Я поднял глаза на него.

— Что с ним?

Хоть внешне ему присущи были черты матери и её талант, но характер и ценности — от отца. Что и неудивительно, ведь его воспитывал совершенно другой Стив Блэк — в отличие от меня. Том и не помнит жизни, когда у нас была полноценная семья.

А мне всё говорят, что я — точная копия отца. Даже пошёл по его карьерным стопам. Вот только цели у меня другие. Я постепенно все больше и больше вовлекал благотворительную деятельность. Например, сейчас я помогал Эмили реконструировать старую библиотеку. Попросил Тома сделать чертежи, а всё остальное взял на себя. Наша фирма редко бралась за такие работы — исключение лишь ради вида благотворительности, чтобы создать хорошую репутацию. Если рассказать общественности, что гигантская монополия занимается благотворительностью, мнение сразу станет более милосердным, а акции и облигации — дороже.

— Отец и инвесторы недовольны, что ты вместо прибыли занимаешься одной благотворительностью, — осторожно сказал брат.

Я усмехнулся. Конечно, раньше корпорация занималась этим раз в пять лет, а теперь, когда я занял своё место и обрел власть, за последний год было уже три таких проекта.

— Как забавно... — проворчал я. — У нас есть деньги чуть ли не всего мира, а мы всё равно продолжаем жадничать и высосывать из каждого до последней копейки.

— Я понимаю твоё негодование. Ты знаешь, что я поддерживаю каждую твою инициативу, — сказал Том, — но...

Я знал, что брат не полностью поглощен лишь выгодой. Ему всё равно, сколько он сможет заработать. Он брался за то, что вдохновляло. Иногда он даже выпадал из жизни, погружаясь в чертежи. Он — творческая натура и очень далекий от экономики. Но даже он понимал: если он не будет выполнять то, что требуют от него компания и отец — его выгонят отсюда. Наш отец уже не тот, кто цепляется за семейные ценности. Даже если его кровинка перестанет приносить пользу и деньги, её заменят. Такова реальность этой корпорации.

— Я понимаю твои опасения, — сказал я и опустил голову на стол, чувствуя себя обречённым.

— Если тебя вышвырнут, ты не сможешь помогать и менять этот мир, — подошёл ко мне Том.

Он был прав. Без отца и этой работы я был бы никем. Сейчас из закулис я всё ещё мог хоть что-то сделать, пускай это и капля в море. Я чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Марионеткой собственного отца.

— Я и сам хочу всего себя посветить в твою идеи, — вдруг сказал Том, я поднял голову. — Я терпеть не могу заниматься одними и теми же проектами — очередными торговыми центрами или жилыми комплексами. Только в твоих работах я могу раскрыть весь свой потенциал. Ты ни в чём меня не ограничиваешь, поэтому давай создадим свою собственную

фирму.

Наступила тишина.

Я не мог поверить — это казалось нереальным. И тут я громко засмеялся.

Мой наивный младший брат, который ещё сохранил в себе детскую непосредственность.

— Ты сумасшедший, — усмехнулся я.

— Весь в тебя.

Я ошибался, когда думал, что от матери ему досталась только внешность и талант. В нём была её душа.

Конечно, я прекрасно осознавал своё положение и правила этой жизни. Без денег у меня нет ни власти, ни сил, чтобы воплощать свои замыслы. А все финансовые потоки контролируются компанией моего отца. Я не наивный дурак, который из-за собственных принципов или капризов уйдёт из фирмы в никуда, поэтому и начал тайно готовить себе пути отступления.

С самого начала меня не устраивала бизнес-стратегия моего отца. Строить дома для людей, но с завышенными ценами на жильё и огромными процентами по ипотеке... Открывать очередной торговый центр вместо того, чтобы развивать парки, больницы, школы, библиотеки или детские сады. И всё только ради прибыли. Мы и так были невероятно богаты, но разве у жадности есть предел?

Именно поэтому я стал окружать себя единомышленниками, искать инвесторов, налаживать новые источники дохо-

да и приобретать необходимые ресурсы. Да, я действовал за спиной отца, поэтому не хотел вовлекать в это брата. Ведь я прекрасно знаю, что он выполнит любую мою просьбу, потому что считает, будто обязан мне жизнью. Но я не хочу этим пользоваться. Для своего брата я желаю той жизни, которую он сам для себя выберет.

А теперь передо мной стоит Том, мечтающий осуществить заветное желание нашей умершей матери. Я и не знал, что ответить на это. Мой младший брат повзрослел.

— Ты напоминаешь мне её, — неожиданно сорвалось у меня.

Том посмотрел на меня с недоумением.

— Кого? — удивился он.

— Нашу маму.

Он мягко улыбнулся и, не говоря ни слова, направился к выходу.

— Пообещай мне, что подумаешь, — попросил он, останавливаясь у двери.

Я кивнул. Улыбка всё ещё не сходила с моего лица.

— И сегодня мы с Никой ждём тебя на ужин. Моя девушка хочет с тобой серьёзно поговорить, — добавил блондин и исчез за дверью.

Я немного опасался эту рыжую бестию. Она наверняка снова примется учить меня жизни. Тяжело вздохнув, я внутренне смирился с предстоящими "уроками".

Ближе к обеду я выехал на объект. Новая библиотека

должна была открыться к концу месяца, но мы катастрофически не успевали по срокам. Мне снова предстояло разбираться с десятками нерешённых вопросов и контролировать ремонтные работы, чтобы хотя бы сократить отставание.

Я специально выбирал время так, чтобы не пересекаться с Эмили. Реконструкция библиотеки была нашей последней совместной работой. Больше я ничем не буду ей обязан. Всё прошлое должно остаться в прошлом.

Но сегодня явно был не мой день — Эмили, похоже, поджидала меня с самого утра. Когда я подъехал к объекту, она стояла у входа, словно знала, что я появлюсь именно сейчас.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, — сухо произнёс я, подходя ближе.

— Нам нужно поговорить.

Она смотрела на меня с какой-то отчаянной надеждой.

Мы прекрасно понимали, что единственное, что нас объединяет — это совместная работа и тайна, которую мы должны были унести в могилу. Но девушка нарушила этот договор. А это значит, что и совместной работе конец. После реконструкции библиотеки наши дороги разойдутся. Но девушка не хотела так просто отпускать меня.

Я смотрел в её зелёные яркие глаза и ничего не чувствовал. Когда-то я искренне хотел помочь этому человеку, считал, что она нуждается в защите. Но всё оказалось ложью. Знакомство с ней повлияло не только на мою жизнь, но и на жизнь моих близких. А этого я не могу ей простить.

— Мы уже всё обсудили, — холодно сказал я и прошёл внутрь здания.

Библиотека явно преобразилась. Теперь здесь были светлые стены, отремонтированные полы, новые стеллажи, аккуратно заполненные книгами, и уютная мягкая мебель — диваны и кресла, создававшие атмосферу уюта и спокойствия. В воздухе пахло свежестью краски и старых страниц, а мягкое освещение добавляло комнате тепла и спокойствия. Оставались последние штрихи, чтобы библиотека начала функционировать.

— Ты про тот разговор? Ты всё неправильно понял! — Эмили поспешила за мной.

Я резко повернулся к этой лживой натуре, которая продолжала играть невинную овечку.

— Что именно я понял неправильно? — тихо спросил я. Она молчала.

— Ты воспользовалась мной.

Её плечи дрогнули.

— Воспользовалась Томом.

Она сделала шаг назад.

— Рассказала всё этому психопату Оливеру, хотя я просил держать язык за зубами.

Я подошёл почти вплотную.

— Из-за тебя Алиса едва не погибла.

Последние слова прозвучали почти шёпотом.

И именно они оказались страшнее любого крика.

— Я...

— Что ты? — Я впервые за долгое время повысил голос.

— Ответь мне!

Эмили вздрогнула.

— У тебя была всего одна задача. Одна. Мы заключили договор. А ты подвергла опасности всех, кто мне дорог.

Она долго молчала, а затем медленно опустила взгляд.

— Из-за тебя начался этот нескончаемый кошмар, — прошипел я, — пока с этим кончать.

Эмили ещё долго смотрела в пол, но на последнем слове вздрогнула.

— Признаю...

Голос дрожал.

— Я хотела разозлить тебя... Я ревновала к ней... Я хотела, чтобы ты снова был рядом со мной... Понимаешь?

По её щекам покатались слёзы.

Я смотрел на неё и не мог узнать ту девушку, с которой раньше был знаком. Я никогда её не любил, но испытывал тёплые чувства. А теперь меня тошнило от одного вида.

— Нет. — Я покачал головой. — Не понимаю, Эмили.

Мой голос снова стал спокойным.

— Ты разрушила слишком многое. Я больше не хочу искать тебе оправдания. Слишком многим я пожертвовал из-за тебя.

Я развернулся.

— Надеюсь, теперь ты довольна.

— Я скоро уезжаю на конференцию в Нью-Йорк, — почти шёпотом произнесла она. — Давай поговорим после моего возвращения.

Я даже не остановился.

— Нет, Эмили.

Лишь у самого выхода я обернулся.

— Больше мы не увидимся. Прощай.

Я уже собирался выйти, когда она догнала меня и осторожно схватила за рукав.

— Неужели... вот так всё закончится?

В её голосе звучало отчаяние. Но во мне больше ничего не дрогнуло.

— Ты сама всё разрушила, — ответил я холодно и аккуратно убрал её руку.

Через несколько минут машина уже мчалась по вечернему шоссе в сторону дома Тома и его девушки. Внутри была только пустота. Иногда достаточно одного неправильного выбора, чтобы разрушить сразу несколько жизней. И я всё чаще жалел о том дне, когда позволил Эмили войти в мою жизнь.

Том и Ника совсем недавно съехались и уже несколько недель звали меня на новоселье. Но я каждый раз находил повод отказаться. Точнее, не хотел приезжать. Я знал, чем закончится этот вечер. Они обязательно начнут спрашивать об Алисе. А я не был готов говорить о ней. Ещё меньше мне хотелось, чтобы Том узнал настоящую причину нашего расста-

вания. Тогда он наверняка начнёт винить себя. Брат. Но бесконечно избегать их тоже было невозможно. Поэтому сейчас я стоял на пороге их небольшой, но уютной квартиры.

Когда дверь открылась, нас встретила неловкая тишина. Мы улыбнулись друг другу, обменялись короткими приветствиями, но все трое понимали: каждый думает совсем не о новоселье.

Без Алисы между нами словно исчезла какая-то важная часть. Она всегда умела заполнить собой пространство — смехом, разговорами, бесконечными вопросами. Теперь же её отсутствие ощущалось почти физически.

Мне постоянно её не хватало. Наверное, именно поэтому я всё-таки приехал. Я знал, что Ника продолжает поддерживать с ней связь. А значит, сегодня у меня был шанс хотя бы ненадолго прикоснуться к её жизни.

Узнать...

Как поживает девушка, которую я до сих пор любил всем сердцем.

— Я жду, — требовательно произнесла рыжая бестия, когда мы приступили к десерту.

Я даже удивился её выдержке. Раньше она начала бы мучить меня неудобными вопросами ещё на салате.

— Чего? — переспросил я, хотя прекрасно понимал, чего именно она добивается.

— Даже не пытайся строить из себя дурачка! — вспыхнула Ника. — Что ты натворил? Почему Алиса бросила тебя?

Почему уехала в Нью-Йорк?

Я перевёл взгляд на Тома. Брат тоже с интересом ждал ответа.

— Она узнала обо мне неприятную правду, — уклончиво ответил я.

Этого было достаточно. По крайней мере, настолько, насколько я был готов сейчас рассказать. Но одна деталь в словах Ники заставила меня напрячься.

— Подожди... — медленно произнёс я. — Она переехала в Нью-Йорк?

На секунду в голове всё смешалось. Нью-Йорк.

Нет...

Такого просто не может быть.

Эмили тоже собиралась туда — на конференцию. Но это ведь совпадение? Должно быть совпадением.

Она постоянно ездила в командировки. Нью-Йорк — огромный город. Миллионы жителей. Шанс, что их дороги пересекутся, практически равен нулю.

И всё же внутри неприятно кольнуло.

— Даже не думай менять тему! — возмутилась Ника.

Она уже собиралась продолжить свой допрос, но Том осторожно положил ладонь ей на плечо. Одного этого жеста оказалось достаточно, чтобы она немного успокоилась.

Я едва заметно выдохнул.

Как бы странно это ни звучало, я действительно побаивался Нику. Иногда я искренне не понимал, как Том умуд-

ряется находить подход к этой рыжей стихии.

Я вопросительно посмотрел на брата, почти безмолвно прося его о помощи. Он понял меня сразу.

— Да, ей предложили работу в одном издательстве, — спокойно сказал Том, переводя разговор в другое русло.

Я благодарно кивнул ему. Ника тяжело выдохнула. Она приняла правила этой игры. Пока. Но по её взгляду было ясно: к этому разговору она ещё обязательно вернётся.

— Она большая молодец, — уже гораздо мягче произнесла девушка. — Я так горжусь ею.

Она улыбнулась. Но улыбка получилась грустной. В её глазах отчётливо читалась тоска. Она тоже скучала по Алисе.

— Что за издательство? — тревога внутри меня становилась всё сильнее. Всё выглядело слишком подозрительно.

— Хм...

Ника задумчиво посмотрела на Тома, словно надеясь, что он вспомнит название вместо неё. Брат отложил ложку и почти сразу ответил:

— «Немой». Кажется, их команда скоро будет представлять свой проект на какой-то конференции.

— Точно! — оживилась Ника. — Знал бы ты, Адам, какую талантливую девушку потерял! Алиса обещала прислать мне экземпляр книги. Надеюсь, у них всё получится.

Она снова мечтательно улыбнулась, но уже в следующую секунду её взгляд стал жёстким.

— Как ты вообще мог её обидеть? Мою лучшую подругу!

Ей и так было тяжело после Оливера, а потом ещё и ты всё разрушил...

Я почти не слышал её слов.

Голос Ники постепенно растворялся где-то на фоне, словно доносился сквозь толщу воды. Мысли лихорадочно цеплялись друг за друга.

Эмили.

Алиса.

Нью-Йорк.

Конференция.

Нет...

Нет.

Только не это.

По позвоночнику пробежал холод.

Я слишком хорошо знал Эмили.

Если она увидит Алису...

Если между ними состоится разговор...

После всего, что произошло, я больше не мог предугадать, на что она способна. Когда-то мне казалось, что я знаю этого человека. Теперь же я не был уверен ни в чём. Я не мог допустить их встречи. Ни за что.

— Когда проходит презентация проекта? — резко перебил я Нику.

Она замолчала на полуслове. Они с Томом переглянулись, после чего оба удивлённо посмотрели на меня.

— Думаешь, я позволю тебе снова увидеться с ней? —

вспыхнула Ника. — Она специально уехала на другой конец света, чтобы никогда больше тебя не видеть!

— Там будет Эмили, — коротко произнёс я.

Лицо Тома мгновенно изменилось. Он всё понял. Ника же только растерянно переводила взгляд с меня на своего парня.

— Через два дня, — без колебаний ответил Том.

— Что?! Зачем ты ему сказал?! — возмутилась Ника.

— Дорогая... потом объясню, — тихо произнёс он, не сводя с меня взгляда. — Брат... тебе нужно лететь.

— Да что вообще происходит?! — почти крикнула девушка.

Я уже не слушал. Резко поднялся из-за стола, схватил ключи от машины и направился к двери.

В голове была только одна мысль. Я должен успеть. Пусть Алиса никогда больше не захочет меня видеть. Пусть возненавидит ещё сильнее. Пусть прогони. Мне всё равно.

Но если Эмили действительно окажется рядом с ней...

Я не прощу себе этого во второй раз.

Глава 4

Адам

С Эмили я познакомился в институте, когда нам обоим было по восемнадцать. Я учился на экономическом факультете, а она — на литературном.

В то время мои отношения с отцом были особенно напряжёнными. Мы постоянно спорили, не понимали друг друга, сталкивались взглядами. Он мечтал, чтобы я стал таким же, как он. А я всегда хотел быть похожим на маму.

Я мыслил, как она. Говорил, как она. Так же сторонился этого мира и мечтал о том же, о чём когда-то мечтала она.

Сейчас мне кажется, что отец злился на меня лишь потому, что видел в моих словах, поступках и мыслях её отражение. Возможно, он злился не столько на меня, сколько на самого себя. Потому что я постоянно напоминал ему о той жизни, которую мама хотела построить... и которую он в итоге разрушил.

Лишь Том оставался тем самым мостом, который ещё хоть как-то удерживал нашу семью от окончательного распада. Тогда брату было пятнадцать — сложный возраст, подростковый максимализм, вечное желание казаться взрослее.

— Ты бросаешь меня, — с обидой произнёс он.

— Нет. Это всего лишь учёба. Я буду приезжать к тебе

каждые выходные, — пообещал я.

Том отчаянно держался за мой чемодан, словно надеялся задержать меня ещё хотя бы на несколько минут. Но после моих слов всё же ослабил хватку.

— Ты слишком милый, чтобы я мог тебя оставить, — усмехнулся я, потрепав его светлые волосы.

Он тут же нахмурился и убрал мою руку.

— Я уже не маленький. Не надо со мной нянчиться, — серьёзно заявил брат.

Но меня это только рассмешило.

— Хорошо, большой мальчик. Я скоро вернусь.

Я тепло посмотрел на него. Том явно хотел броситься ко мне и обнять, но упрямо стоял на месте, сжав кулаки. Он всегда был таким. Даже когда ему было больно, он старался выглядеть сильным.

Больше я ничего не сказал. Просто подошёл и крепко обнял этого упрямого мальчишку, после чего молча направился к выходу.

Мне не хотелось оставлять Тома. Но и оставаться в том доме я больше не мог. С каждым днём рядом с отцом становилось всё тяжелее дышать.

Я переехал в небольшую квартиру, поступил в университет и одновременно начал стажироваться в фирме отца. По выходным обязательно навещал Тома. Иногда он оставался у меня ночевать, но отец считал, что я плохо на него влияю, поэтому такие встречи случались нечасто.

Шло время, и я всё сильнее убеждался: путь, который для меня выбрал отец, был не моим. Я не хотел жить по его правилам. Не хотел измерять успех цифрами в отчётах, прибылью и количеством новых контрактов. Мне казалось, что смысл жизни должен заключаться совсем в другом.

В университете меня всегда окружали люди. Кто-то хотел дружить, кто-то просил помощи, кто-то просто стремился оказаться рядом. Я никогда не испытывал недостатка во внимании, но почти никого не подпускал к себе по-настоящему.

Слишком рано я понял одну простую вещь: большинство человеческих отношений строится на взаимной выгоде.

Кому-то нужны деньги. Кому-то связи. Кому-то поддержка. Кому-то чувство собственной значимости.

И чем старше становишься, тем реже встречаешь людей, которым нужен именно ты.

Наверное, поэтому я предпочитал случайные встречи. И поверхностные отношения. Для меня любая связь с людьми имела смысл лишь тогда, когда могла принести какую-то выгоду.

Но одна встреча разрушила все мои правила.

Эмили.

Она появилась в моей жизни совершенно неожиданно.

Мы учились в одном университете, но на разных факультетах. Я редко обращал внимание на студентов вокруг себя, однако её невозможно было не заметить.

Не потому, что она старалась привлечь внимание.

Наоборот.

Эмили словно существовала отдельно от остальных.

Она не пыталась понравиться окружающим, не искала новых знакомств и не стремилась стать частью какой-либо компании. Держалась спокойно, холодно и отстранённо, будто заранее возвела вокруг себя крепкие стены и не собиралась впускать внутрь ни одного человека.

И, наверное, именно это впервые заставило меня посмотреть на неё внимательнее.

Впервые я увидел её в библиотеке.

Тогда я пришёл туда только потому, что отец требовал идеальных результатов по всем предметам, а дома сосредоточиться было невозможно. В читальном зале почти никого не осталось — приближалась сессия, и большинство студентов уже разъехались.

Она сидела у окна, поджав под себя ноги, и быстро печатала что-то на старом ноутбуке. Рядом лежали стопка книг, исписанный блокнот и давно остывший стакан с кофе.

Не знаю, почему именно она привлекла моё внимание.

Наверное, всё дело было в её взгляде.

Он показался мне слишком знакомым.

Таким же, как мой собственный.

В её глазах жила боль, которую человек слишком долго носит внутри и уже не надеется кому-то показать.

Несколько прядей каштановых волос постоянно падали ей

на лицо. Эмили машинально убирала их за ухо, даже не замечая этого движения. Она хмурилась, иногда прикусывала губу, изредка едва заметно усмехалась своим мыслям.

Казалось, окружающий мир для неё перестал существовать.

И вдруг экран ноутбука погас.

— Нет... нет... только не сейчас... — раздражённо прошептала девушка, несколько раз нажимая кнопку включения.

Я сам не понял, почему подошёл к ней.

— Зарядка отошла, — спокойно сказал я, заметив под столом выдернутый из розетки провод.

Эмили подняла на меня взгляд.

На секунду в её глазах промелькнул испуг. Она тут же поправила край свитера, словно инстинктивно пыталась что-то скрыть.

— И ты подошёл сообщить мне именно это? — спросила она.

Я молча наклонился, вставил провод обратно в розетку и кивнул на экран.

Ноутбук ожил.

— Вообще-то я только что спас твой научный труд.

Она перевела взгляд на монитор, убедилась, что всё работает, и едва заметно выдохнула.

— Тогда спасибо, герой.

Это прозвучало настолько спокойно и безразлично, что я даже не понял, была ли это благодарность или издёвка.

Эмили сразу же отвернулась и вновь уткнулась в экран.

Любая другая девушка, наверное, попыталась бы поддерживать разговор. Но Эмили словно с первой минуты дала понять, что моё присутствие её совершенно не интересует.

С того дня я начал замечать её всё чаще: то в коридорах института, то в кафе напротив кампуса, то снова в библиотеке.

Самое странное — я вовсе не искал этих встреч.

Но взгляд всё равно цеплялся за неё.

Эмили постоянно менялась. Сегодня она была раздражённой, завтра — безэмоциональной, через несколько часов могла громко смеяться, а вечером сидеть с таким пустым взглядом, словно внутри неё что-то окончательно умерло. Она жила на бесконечных эмоциональных качелях.

Я не знал, что происходило в её жизни. Но довольно быстро понял, кто был причиной большинства этих перемен.

Рядом с ней почти всегда находился Сэм Хьюган — её парень. О нём в институте ходили самые отвратительные слухи: вспыльчивый, агрессивный, постоянные драки, сомнительные компании, измены.

Казалось, не существовало ни одного человека, который мог бы сказать о нём хоть что-нибудь хорошее.

И всё же Эмили продолжала оставаться рядом с ним.

Я не понимал почему.

Почему она терпела его грубость. Почему прощала очередные унижения. Почему каждый раз возвращалась к чело-

веку, который, судя по всему, приносил ей одну лишь боль.
Тогда мне казалось, что она слишком добрая для такого мужчины.

Слишком светлая.

Слишком хрупкая.

Я искренне считал, что Эмили заслуживает совсем другой жизни.

Сейчас я понимаю, насколько поверхностными были мои выводы.

Но тогда...

Тогда я видел перед собой только девушку, которую хотелось спасти.

Именно эта мысль стала моей первой ошибкой.

Я не собирался вмешиваться в их отношения. Лишь иногда наблюдал за ней со стороны, сам не понимая, зачем продолжаю это делать.

Пока однажды вечером не увидел её на заднем дворе института.

Она сидела прямо на холодных бетонных ступенях, обхватив себя руками. Каштановые волосы скрывали лицо, но я всё равно заметил, как дрожат её плечи.

Эмили плакала.

Сначала я хотел пройти мимо. Так было бы правильно. Чужие проблемы меня никогда не касались. Но в какой-то момент она подняла голову.

Разбитая губа. Синяк на скуле. Покрасневшие от слёз гла-

за.

У меня внутри всё болезненно сжалось.

— Это он сделал? — тихо спросил я, остановившись рядом.

Эмили поспешно вытерла слёзы ладонью, словно ей было стыдно, что кто-то увидел её в таком состоянии.

— Тебя это не касается, — хрипло ответила она.

Я молча присел рядом. Теперь следы побоев были видны ещё отчётливее. В груди медленно закипала злость.

— Он ударил тебя?

Несколько секунд она молчала. Потом нервно усмехнулась.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Будто собираешься меня спасти.

Я не отвёл взгляда.

— А если собираюсь?

Впервые за всё время Эмили посмотрела мне прямо в глаза. Уставшая. Сломленная. И вместе с тем отчаянно пытающаяся выглядеть сильнее, чем была на самом деле.

Она грустно улыбнулась.

— Тогда ты опоздал, Адам.

Её голос прозвучал почти шёпотом.

— Меня уже давно никто не сможет спасти.

Она резко поднялась, собираясь уйти, но я машинально схватил её за запястье.

— Куда ты собралась? — спросил я, хотя внутри всё кипело от злости.

— Почему ты ко мне привязался?! — неожиданно сорвалась Эмили. — Просто дай мне уйти!

Я молча смотрел на неё. Она не злилась. Она защищалась.

Слёзы уже высохли на покрасневшем лице, но в глазах всё ещё жила боль. Эмили отчаянно пыталась спрятаться от мира, скрыть, насколько сломленной и уязвимой была на самом деле. И почему-то именно это молчаливое отчаяние оказалось страшнее самих синяков.

— Пойдём ко мне, — спокойно сказал я. — Я обработаю твои раны. А потом делай, что хочешь.

Она несколько секунд смотрела на меня так, словно пыталась понять, в чём подвох. Потом едва заметно кивнула.

Всю дорогу мы не произнесли ни слова. Она шла рядом, опустив голову, будто силы закончились не только сопротивляться мне, но и вообще чему-либо в этой жизни.

Мы сидели на кухне моей квартиры. Я молча обрабатывал её разбитую губу и ссадины на руках. Эмили не проронила ни слова. Лишь иногда едва заметно вздрагивала, когда антисептик попадал на свежие раны. Казалось, физическая боль больше её не беспокоила. Словно она давно привыкла к ней. Она лишь терпеливо ждала, когда я закончу, чтобы наконец уйти.

— Почему? — тихо спросил я.

Этот вопрос мучил меня с того самого дня, как я впервые

увидел её рядом с Сэмом.

Я никак не мог понять, почему такая девушка продолжает оставаться с человеком, который её уничтожает.

Эмили долго молчала.

Потом едва слышно ответила:

— Потому что люблю.

Она подняла на меня покрасневшие глаза и грустно улыбнулась.

— Глупо, правда?

— Да, — честно ответил я, даже не пытаясь смягчить свои слова.

Для меня это действительно казалось глупостью.

Как можно оставаться рядом с человеком, который причиняет тебе боль, только потому, что любишь его?

Эмили тихо усмехнулась.

— Когда-нибудь ты меня поймёшь.

— Не пойму.

— Поймёшь, когда сам полюбишь кого-нибудь по-настоящему.

Я покачал головой.

— Нет.

Она улыбнулась ещё раз. Но улыбка исчезла почти сразу. Лицо дрогнуло, и девушка снова расплакалась.

— Я выгляжу жалкой, да? — прошептала она сквозь слёзы. — Но каждый раз я верю, что он изменится. Он обещает, что больше никогда не поднимет на меня руку. Говорит, что

любит меня. Что я важна для него. Что я у него одна...

Я молчал. Не потому, что соглашался. Потому что не знал, как помочь человеку, который добровольно возвращается в собственную клетку.

— Разве человек, который любит, способен так поступать? — наконец спросил я. — Открой глаза, Эмили. Он просто пользуется тобой.

Я понимал, что мои слова звучат жестоко. Но смотреть, как она цепляется за красивую ложь, было ещё тяжелее. Она продолжала жить надеждой, что однажды Сэм проснётся другим человеком. Что он перестанет причинять ей боль. Что однажды они станут счастливы. Но реальность была куда проще.

Она страдала. А он продолжал лгать.

Эмили резко вскочила со стула и направилась к выходу.

— Мне не нужны твои нравоучения! — выкрикнула она. — Ты и сам такой же! Думаешь, я не знаю, кто ты? Меняешь девушек одну за другой, используешь людей ради выгоды! Да вы все одинаковые!

После этих слов она выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

Я не стал её догонять.

Потому что понимал: сейчас ничем не смогу ей помочь.

Да и не был уверен, что вообще имею право кого-то спасать.

Эмили была права.

Я действительно никогда не строил настоящих отношений — ни дружеских, ни романтических. Люди появлялись в моей жизни, задерживались ненадолго и исчезали, не оставляя после себя ничего важного.

Я не знал, что такое любовь.

Не понимал, на чём должны строиться отношения.

Не умел быть рядом с человеком просто так, без выгоды, без расчёта, без внутренней дистанции.

Но в тот вечер я вдруг осознал одну простую вещь.

Мне было не всё равно, что с ней происходит. Эмили стала мне небезразлична.

На следующий день Эмили так и не появилась в институте.

Ни на второй день. Ни на третий.

Сначала я пытался убедить себя, что мне всё равно. Что это не моё дело. Но с каждым днём внутри нарастало странное беспокойство.

Я начал искать её.

Заходил в кафе напротив кампуса, проверял библиотеку, даже несколько раз проходил мимо общежития, где она жила. Но Эмили будто исчезла.

По институту лишь ползли тревожные слухи.

Однажды я услышал, как несколько девушек на заднем дворе обсуждали её. Я сразу подошёл к ним.

— Что вы сейчас сказали? — ещё немного, и моё терпение окончательно бы лопнуло.

— Ой, Адам! Привет, — кокетливо протянула одна из них, явно не понимая моего настроения.

— Повторяю ещё раз, — холодно произнёс я. — О чём вы говорили?

Девушки переглянулись. Теперь в их глазах появилась тревога.

— Ходят слухи, что Эмили видели выходящей из твоего дома, — осторожно начала одна из них. — Кто-то рассказал об этом Сэму, и он решил, что она изменила ему с тобой. Говорят, он был в бешенстве...

У меня внутри всё похолодело.

— Что значит «в бешенстве»? — процедил я сквозь зубы. Девушка нервно сглотнула и понизила голос почти до шёпота:

— Говорят... он снова её избил.

В следующую секунду я уже сорвался с места.

Я прекрасно знал, где может быть Сэм.

Паб недалеко от кампуса, где собиралась вся его компания.

Всю дорогу меня разрывало от ярости. Перед глазами стояло лицо Эмили — разбитая губа, потухший взгляд, дрожащие руки.

И мысль о том, что он снова посмел поднять на неё руку, сводила меня с ума.

Когда я ворвался в паб, внутри стоял привычный шум: громкая музыка, смех, звон стаканов. Но стоило мне заме-

тить Сэма за дальним столиком, как всё вокруг будто исчезло.

Он сидел в компании своих дружков, смеялся и выглядел так, словно ничего не произошло. Словно не разрушал чужую жизнь.

Я подошёл к нему вплотную.

— Где Эмили? — глухо спросил я.

Сэм медленно поднял на меня взгляд и криво усмехнулся.

— О, так вот кто у нас новый герой, — протянул он. — Решил поиграть в спасателя?

— Я спросил, где она.

— А тебе не всё равно? Или уже успел влюбиться?

Он рассмеялся вместе со своими друзьями.

И именно в этот момент я окончательно потерял контроль.

— Она не твоя кукла! — вырвалось у меня прежде, чем я успел себя остановить.

Мой кулак с силой врезался Сэму прямо в челюсть.

Парень отлетел назад вместе со стулом, но вместо страха лишь рассмеялся. Его дружки тут же вскочили со своих мест, готовые наброситься на меня, однако Сэм остановил их движением руки.

— Не лезьте, — процедил он, вытирая кровь с губы. — С этим я разберусь сам.

Он рванул на меня первым, но я не собирался уступать. Я был выше, сильнее и в тот момент слишком зол, чтобы

чувствовать страх.

От моего следующего удара Сэм снова впечатался в стену.

Он сплюнул кровь на пол, затем медленно поднял на меня полный ненависти взгляд.

— Хочешь забрать себе эту шлюху? — хрипло усмехнулся он, поднимаясь на ноги. — Только запомни: она всё равно будет возвращаться ко мне.

Во мне будто что-то оборвалось.

Сэм лениво кивнул своим друзьям, и те сразу направились ко мне.

— Какой же ты жалкий, — усмехнулся я. — Прячешься за своими шестёрками?

Его лицо исказилось от ярости.

— Заткните ему рот, — бросил он.

Первый удар прилетел мне в живот, второй — по лицу. Кто-то схватил меня за плечи, но я вырвался и с размаху ударил одного из парней локтем.

В пабе началась настоящая драка.

Крики. Грохот падающих стульев. Разбитое стекло.

Но я почти ничего не слышал.

Перед глазами стояла только Эмили.

Заплаканная. Испуганная. С синяками на лице.

И от этого злость становилась только сильнее.

Я снова добрался до Сэма и ударил его так, что он рухнул на пол вместе со столом.

— Ещё раз тронешь её — убью, — прорычал я, схватив

его за воротник.

Сэм рассмеялся прямо мне в лицо, несмотря на кровь, стекающую по подбородку.

Именно тогда где-то позади раздался чей-то крик:

— Вызовите полицию!

Словно по команде, дружки Сэма начали разбегаться.

Когда в паб ворвались полицейские, драка уже заканчивалась. Я сидел на полу, прислонившись спиной к перевёрнутому столу. Костяшки были разбиты. Во рту чувствовался металлический привкус крови. Голова гудела. Адреналин медленно уходил, оставляя после себя только тупую боль и опустошение.

Меня подняли на ноги. Надели наручники. И отвезли в участок.

Меня задержали и отвезли в участок.

Через несколько часов туда приехал отец.

Он быстро всё уладил: заплатил залог, поговорил с нужными людьми, и меня отпустили. Правда, ущерб, нанесённый пабу, теперь предстояло отрабатывать в его фирме.

Но тогда меня это совершенно не волновало.

Всю дорогу до дома в машине стояла тяжёлая тишина. Отец даже не смотрел в мою сторону.

Лишь когда автомобиль остановился возле моего дома, он наконец заговорил:

— И чтобы подобное больше не повторялось. Я оплачиваю твою учёбу не для того, чтобы ты устраивал драки и со-

здавал мне проблемы.

И всё.

Ни вопроса о том, что случилось. Ни попытки понять, почему я вообще оказался в участке.

Только раздражение и холодный контроль.

Я молча вышел из машины, хлопнув дверью чуть сильнее, чем следовало.

Отец тут же уехал, даже не дождавшись, пока я зайду в подъезд.

Поднявшись в квартиру, я тяжело опустился на диван и прикрыл глаза.

В голове шумело.

Слова Сэма снова и снова всплывали в памяти.

«Она всё равно будет возвращаться ко мне».

Чёрт.

Я снова и снова думал об Эмили.

После всего случившегося она, скорее всего, возненавидит меня ещё сильнее.

А если Сэм действительно решил, что между нами что-то есть...

Вдруг именно из-за меня он снова сорвётся на ней?

От этой мысли внутри всё болезненно сжалось.

Я не жалел о драке.

Жалел лишь о том, что, возможно, сделал ей только хуже.

Но прежде чем я успел решить, что делать дальше, как неожиданно раздался стук в дверь.

На пороге стояла она.

— Адам?.. — её голос звучал тихо и дрожал.

Она выглядела потерянной. Плечи слегка тряслись, взгляд беспокойно скользил по моему лицу, словно она боялась увидеть последствия драки.

— Сильно болит? — тихо спросила девушка, заходя в квартиру.

Эмили осторожно коснулась моей щеки кончиками пальцев.

И почему-то именно в этот момент боль действительно стала тише.

Лишь теперь я заметил, насколько уставшей выглядела она сама. Бледная кожа, тени под глазами, нервно поджатые губы.

— А ты? У тебя всё в порядке? — я так же осторожно прикоснулся к её щеке.

Эмили отвела взгляд, словно не хотела отвечать на этот вопрос. Вместо этого она начала внимательно рассматривать мои разбитые костяшки, ссадины на лице, следы драки на одежде.

Словно пыталась запомнить каждую рану.

А потом вдруг серьёзно посмотрела на меня и произнесла то, чего я точно не ожидал услышать:

— Давай переспим.

— Что?.. — растерянно переспросил я, слегка отстраняясь.

— Я хочу ему отомстить, — спокойно сказала она. — Да и слухи о нас всё равно уже разлетелись по институту. Терять нечего.

Она смотрела прямо мне в глаза, а я никак не мог понять, насколько сейчас это неправильно.

Но Эмили не дала мне времени подумать.

Она резко приблизилась и поцеловала меня.

Её губы были мягкими и чуть дрожали. На секунду я почти потерялся в этом поцелуе, но всё же заставил себя остановиться и осторожно отстранить девушку.

— Ты уверена, что действительно этого хочешь? — тихо спросил я.

Секс не смог бы исправить то, через что она прошла. Не смог бы стереть боль или залечить раны. Это было бы лишь коротким мгновением — попыткой заглушить злость, обиду и желание отомстить.

И Эмили прекрасно понимала, каким человеком я был.

Я не умел строить серьёзные отношения. Не умел любить правильно. И уж точно не хотел становиться для неё просто заменой Сэму.

Но она лишь грустно усмехнулась.

— Да, дурачок. Сейчас мне нужно именно это. И я прекрасно понимаю, что делаю.

После этих слов Эмили снова потянулась ко мне, и наши губы вновь встретились.

На этот раз поцелуй был другим.

Более отчаянным.

Словно мы оба пытались спрятаться друг в друге от всего, что происходило вокруг. Вихрь эмоций и чувств переполняли нас.

Нежный поцелуй быстро перерос в нечто большее.

Мы уже не могли сдерживаться и торопливо избавлялись от одежды, будто боялись, что этот момент исчезнет. Рванные поцелуи, горячие прикосновения, сбившееся дыхание — между нами вспыхнуло напряжение, которое слишком долго копилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.